

Андрей Аликсеев

МИР УМБРА

Андрей Алексеевич Аликсеев

Мир Умбра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42571530

ISBN 9785449677839

Аннотация

Любой уголок нашего мира на расстоянии вытянутой руки. Стоит только захотеть – и ты за сотни миль от своего любимого кресла. Без самолетов и поездов, без границ и таможи. Об этом мечтают миллионы людей. Тысячи грезят о других мирах. И только единицы могут в одно мгновение перепрыгнуть отсюда... в другой мир. Что ждёт на той стороне домоседа, нежданно получившего удивительные способности? Новые друзья, безжалостные враги, битвы миров на страницах новой книги Андрея Аликсеева.

Содержание

Часть 1	5
ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	19
ГЛАВА 3	31
ГЛАВА 4	44
ГЛАВА 5	59
ГЛАВА 6	68
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Мир Умбра

**Андрей Алексеевич
Аликсеев**

© Андрей Алексеевич Аликсеев, 2019

ISBN 978-5-4496-7783-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

МЕТКА

ГЛАВА 1

К седьмой кружке у пива пропал вкус. Всё было на месте – яркий насыщенный цвет, лёгкий солодовый аромат, стойкая белая пена. Даже температура напитка была в норме – по слегка запотевшей кружке стекали слезинки конденсата. А вкуса не было. Я махнул рукой официанту:

– Ты что за пойло мне притащил?

Длинноволосый, худой как Кошей, парень сделал вид, что не расслышал оскорбительного тона и, слегка улыбаясь, ответил мне:

– Не узнаешь свое любимое? Может быть, тогда уже хватит?

– Семёныч, не зли меня! Без твоих умных советов как-нибудь обойдусь. Дай нормального пива! Разбавил, небось? – Я хватил кулаком по столешнице.

– Вижу, ты не в настроении, Илья, – официант ловко подхватил кружку и скрылся за барной стойкой. Через пару минут новая кружка, как по волшебству, появилась передо мной.

Изрядно отхлебнув, я посидел, пытаюсь оценить вкус, помотал головой и вздохнул:

– Всё равно дерьмо. Слушай, Семёныч, вы чего таким дерьмом народ поите?

Кощей помолчал, исподлобья глядя на меня, а потом вдруг спросил совершенно не по делу:

– Илья, а чего ты опять один бухаешь? Куда Тарас пропал?

– Ну и какого хрена ты мне в душу лезешь? Иди, работай лучше. – Я кивнул головой на зал.

– Да кроме тебя и музыкантов больше никого и не осталось, закрываемся уже скоро.

Я обвёл глазами пустой зал – отыгравшие свою программу музыканты собирали инструменты, устало перешучиваясь, да ещё у дверей тискалась парочка. Действительно, за столами оставался только я.

– Да, опять один, – грустно подтвердил я и опрокинул в себя остатки. Пенные усы ненадолго украсили моё лицо, пока я не смахнул их рукавом своей потрёпанной джинсовой куртки. – Ещё нальёшь?

– Всё, кассу сняли, давай домой! – Официант забрал из моих рук пустую кружку и скрылся в подсобных помещениях.

– Главное, понимаешь, – не обращая внимания на отсутствие собеседника, продолжил я, – ведь друг-то у меня один. И всё. Родители уехали, с девушками мне как-то не везёт, а на работе и поговорить особо не с кем. А Тарас, с ним...

Короче, я за него готов...

Я помолчал, пытаюсь собрать разбегающиеся мысли, опять глубоко вздохнул и продолжил говорить с пустотой:

– Ты ведь, Семёныч, знаешь, мы с Тарасом с самого детства дружим. Мы же вместе с ним огонь и воду... Он для меня больше, чем друг. Брат! А теперь у него какие-то секреты. Пропадает всё время. – Я выплёскивал из себя всё, о чём передумал в последние дни, что давило на сердце. – Как бы он в историю какую не влип. Надо бы с ним серьезно поговорить. Разобраться надо. Друг он мне или нет?

Из подсобки появился Кощей, уже переодевшийся в цивильное:

– Ты прав, надо с Тарасом разобраться. Вот утром с ним и поговоришь, когда выспишься, да протрезвеешь.

Наверное, он прав, пойду домой, посплю, утро вечера мудренее. Я сильно покачнулся, поднимаясь со стула. Изрядно штормит. Пришлось даже схватиться за угол стола. Крепко сжал веки и стал трясти головой, надеясь выбить из неё весь хмель. Резко распахнул глаза и оглядел непривычно безлюдный зал: в полумраке весело перемигиваются друг с другом светодиодные ленты. Над головой свешиваются огромные тележные колеса на мощных цепях. Заливая столики мягким оранжевым светом, слегка покачиваются потрепанные абажуры. Уборщица со скрипом толкает обшарпанные деревянные стулья и лавки и ожесточённо размахивает грязной тряпкой.

Ресторан не без недостатков, но я его обожаю. Можно сказать, прикипел к нему. Свой дух, неповторимая атмосфера, уют. Ко всему прочему – вкусные напитки с неплохой едой, знакомые работники, почти всегда классная музыка – и всё это в пяти минутах от дома. У нас Тарасом уже давно завелась традиция посидеть здесь в пятницу или в субботу с вечера и почти до закрытия. Только в последнее время я всё чаще появляюсь здесь один. Сижу, пью, с каждым разом становлюсь все более угрюмым и раздражительным. Вот уже на ребят срывать начал. Просто очень не нравятся мне такие перемены. Мы с Тарасом раньше и пары дней друг без друга не могли провести, а теперь он что-то от меня скрывает, занят всё время... Вот как съездил к отцу полгода назад, так и началось.

– Пока, Семёныч, зла не держи, наорал я на тебя сегодня. Прости. Честное слово, неудобно, – я протянул Кощею пару бумажек, – возьми, будь другом, тем более я у тебя лишнюю кружку ещё вытянул бесплатно.

– Да ладно, ничего страшного! С Тарасом заходите вместе. Завтра хорошая команда играть будет. – Рот у Кощея расплылся чуть ли не до ушей, деньги он сцапал и резко оглянулся – не видит ли кто-нибудь. Насколько я знаю, у них принято делиться чаевыми. А парень явно не в восторге от этого правила.

Я кивнул ему на прощание и, придерживаясь рукой за красные кирпичные стены, двинул к выходу. «Так, стоп!

Ну-ка, давай завернём в заведение для мальчиков», – мой внутренний голос остановил меня на полпути. Действительно, пива было выпито немало. Пока я мыл руки, из грязного, треснутого зеркала на меня уставился высокий, слегка помятый молодой человек в кроссовках, джинсовых брюках и куртке. Много алкоголя, отсутствие сна, грустные думы – вот внешний вид и страдает. Надо как-то взять себя в руки, привести мысли в порядок, да и переодеться не помешает.

– Ну, чего вылупился? – поинтересовался я у своего отражения. Оно лучезарно оскалилось ровными белыми зубами в крупных губах и тряхнуло давно не стриженными кудрями. Потом махнуло мне рукой и отвернулось. – Ладно, пока, до встречи, старик! – кинул я ему напоследок.

На улице уже светлело. После душного зала свежий утренний воздух подействовал, как ватка с нашатырём. Я зевнул, закинул руки за голову и с наслаждением, до хруста в пояснице, потянулся. Бодрящий ветерок, первые лучи солнца, родные улицы, пока еще свободные от людей и машин – я широко улыбнулся, слегка поёжился и зашагал сквозь арку на улицу.

«Сейчас отосплюсь и пойду к Тарасу, разберусь с ним наконец-то, хватит мне по ушам ездить...», – продолжал я размышлять, неспешно переходя Садовую улицу и разглядывая знакомые чуть ли не с пелёнок дома.

Пока притихший северный город дремлет, становится заметно, как меняется его лицо – вот здесь появился новый

магазин, здесь наконец-то убрали уродливую вывеску, а тут недавно был пожар и теперь копоть мерзкой кляксой украшает фасад памятника архитектуры.

Или вот этот удивительный дом со свадебными платьями во всех окошках. Во время моего детства был местным пугалом – разваливался, стоял заколоченным, с выбитыми стеклами. Жуть жуткая. С фантазией у нас в те годы было всё отлично – мы представляли, что это замок с привидениями, рыцарями, принцессами и драконами. А родители, перешёптываясь, говорили что-то про маньяка и требовали не приближаться к бетонному забору, ограждавшему таинственный замок. Казалось, ничто не сможет спасти развалюху – проще снести и построить красивый новый дом. Хорошо, что кто-то купил, вложил и вернул почти утраченную жемчужину горожанам. Реставраторы постарались, и теперь возрождённый фасад своим игривым, весёлым обликом дарит всем обратившим на него внимание хорошее настроение. Я много раз видел, как люди, разинув рот, любуются, тянутся за фотоаппаратами и телефонами.

Обожаю родной город – можно каждый день находить что-то новое, прежде не замеченное в суете, а потом замирать в удивлении и восторге. Свой район я уже обследовал вдоль и поперёк. Все закоулки и сквозные дворы, незакрытые чердаки и подвалы, все интересные места знаю с малых лет. Родился на улице Маяковского, в детский сад пошёл на Горюховой, а на канале Грибоедова окончил школу. Теперь рабо-

таю в автосервисе на Бойцова. Кино, кафе, рестораны, магазины, рынок – всё рядом, рукой подать. Жизнь здесь бурлит и кипит днём и ночью уже лет триста. Наверное, поэтому покидаю родные пенаты я крайне редко – ведь здесь есть всё, что нужно.

За все свои двадцать пять лет только дважды я уезжал отсюда: в девятилетнем возрасте летал с родителями в отпуск за границу, а в восемнадцать пошёл за компанию с Тарасом в военкомат и оттуда в армию. Теперь два раза в год приходится ездить сдавать сессию в заочном институте, который мне кажется на другом краю света – ехать на метро где-то с полчаса и пёхом ещё телепать минут пятнадцать. Честно говоря, даже от таких поездок мне становится не по себе. Когда родители предложили мне переехать с ними за границу, категорически отказался – не мог представить, как буду жить без своего друга и без родного города. Так я и стал единоличным обладателем небольшой, но очень уютной родительской квартиры в историческом центре и относительно свободным человеком.

В подъезд я зашёл почти трезвым (как мне казалось) и в приподнятом настроении – решение принято, Тарас от разговора не отвертится. На пороге меня встретил неистребимый дух петербургских парадных, который ничто не смогло вытравить, даже два года назад проведённый капитальный ремонт. После утренней свежести улиц почти сшибает с ног. У нас на третьем этаже живет кошатница.

Не знаю, сколько там пушистиков, но запах... Боролись с ней всем подъездом, писали жалобы и заявления. Но старая мадам со своими подопечными не сдаётся. Чтобы совсем не задохнуться, было принято общее решение – открыть настежь окна в пролёте лестницы над вторым этажом. Зимой конечно прохладно, но это лучше, чем задыхаться и кашлять. А весной-летом даже такие меры не спасают от ароматного амбре.

Я почти уже поднялся к своей квартире, когда споткнулся о развязавшийся шнурок и остановился его завязать. Один за другим прозвучали два лёгких хлопка и поначалу я решил, что гуляют рамы от сквозняка. Как бы стекла не посыпались... Но тут же на площадке кто-то охнул, послышались сопение и возня. Затем некто хрипло и очень тихо, по складам, произнёс:

– Где ка-мень?

– Какой ещё камень? – прошептал другой. Голос у него сдавленный и испуганный, но чем-то неуловимо знакомый...

– Где ка-мень? – медленно, отдельно произнося буквы, просипел первый. И хотя интонация почти не изменилась, у меня по коже побежали мурашки – настолько жутко прозвучал вопрос.

«Может лучше свалить, пока тут такие разборки?» – прикинул я.

Второй явно испугался значительно больше меня, его голос задрожал, мне даже показалось, что я слышу, как застучали его зубы:

– Нет у меня камня! – Раздался удар, кто-то всхлипнул и застонал. – Он у Яна! Ты же его... – отвечавший захлебнулся от очередной оплеухи. В ту же секунду меня будто ударило током – я узнал голос и рванул наверх – Тарас в беде! В тусклом свете покрашенного желтой краской плафона видны были три фигуры: мой друг, схвативший его за горло невысокий коренастый человек в длинном темном плаще и ещё один в таком же плаще и примерно такой же комплекции. Последний резко развернулся, услышав топот на лестнице. Рука его выскользнула из-под плаща.

Так и не завязанный шнурок спас мне жизнь. В спешке я наступил на него и грохнулся на лестницу. Со всего маху приложился головой о выступ ступени. Пуля прошла в нескольких сантиметрах от головы, срикошетила от сте-

ны, вышибив из неё здоровенный кусок штукатурки, и ушла в окно. Грохот выстрела, звон разбитого стекла и страшный крик Тараса, согнувшегося от нового удара, наверняка должны были разбудить соседей. Внизу хлопнула дверь и Василий Петрович, сосед с первого этажа, заорал в пролёт:

– Чё-за дебилы спать не дают?! Я щас ментов вызову!!

Нападавшие развернулись и оба, как по команде, прыгнули прямо с площадки через перила. Нецензурно выругался грузно поднимавшийся по лестнице Петрович, раздался негромкий хлопок, и обладатели чёрных плащей растворились в воздухе.

– Чё-за хреновина, бл... – продолжал вещать сосед, но осёкся на полуслове, споткнувшись об меня. От пинка я пришёл в себя и, покачивая раскалывающейся от боли головой, сел на холодные ступени.

– Ребята, да что же тут случилось? Может полицию всё-таки вызвать?

– Вызывайте, Василий Петрович, и «Скорую» тоже. Похоже, Тарасу сильно досталось, – с трудом ворочая прикушенным языком, проговорил я. Только придерживаясь за перила, мне удалось подняться на неожиданно ставшие ватными ноги.

– Тарас!

Тарас поднял голову и тихо застонал. Я тут же забыл про боль в голове, про слабость в ногах, про распухший и кровоточащий язык. Метнулся к другу, лежащему на резиновом

коврике. Помог ему приподняться и сесть, упираясь в дверь спиной.

– Потерпи, старик, сейчас «Скорая» приедет, тебе помогут.

– Илья, хорошо, что ты тут, – прошептал Тарас и закрыл глаза.

По его рукам, крепко сжимавшим левый бок, вяло струилась темная струйка, собираясь в лужицу на полу. Я остолбенел: вид крови и бездвижного друга заморозил все мысли. Дернулись и поплыли, постепенно ускоряясь, двери, устроив вокруг меня дикий хоровод. Откуда-то из глубины живота к горлу покати́лась волна. Руки и ноги перестали слушаться, я не смог удержаться и осел на колени рядом с другом. Веки того с трудом разлепились, он сфокусировал взгляд на моём лице:

– Слушай... меня внимательно... В рюкзаке планшет... пароль «белка348»... прочти дневник... найди Яна... предупреди его...

После каждой пары слов Тарас на несколько секунд умолкал, собираясь с силами. В его горле булькало и хрипело. Бледность растекалась по застывшему лицу, покрывающемуся крупными каплями пота. Тарас с такой силой прикусил посиневшую губу, что потекла кровь:

– Дай руку!

– Чего?

– Руку дай! Идиот, ЛЕВУЮ! – почти крикнул Тарас и,

с невесть откуда взявшейся силой, оттолкнул протянутую правую руку и схватился за ладонь левой. Крепко, до боли, сжал. Кисть пронзило невидимым лезвием. Я едва сдержался, чтобы не заорать и не вырвать свою руку. Перед глазами поплыли круги, все вокруг потемнело, а в следующую секунду меня почти ослепило ярким светом. Перед глазами неслись диковинные картины: поле с сияющим над ним зелёным солнцем, бескрайнее малиновое море, каменный лес, безумно сложные геометрические фигуры. Я взлетал в небеса и парил в бездонном, непроглядно чёрном пространстве, где не было абсолютно ничего. Потом рухнул вниз и провалился в желеобразный океан. Ярко-жёлтый, бездонный, полный невероятных существ. Меня бросало в жар и вымораживало до онемения. Вокруг благоухали цветущие сады, сменяющиеся смердящими жерлами вулканов.

Кажется, прошло по меньшей мере сто лет, пока не вернулась острая боль. Тошнотворный кульбит и я вижу себя со стороны: стою на коленях на полу... держу себя за руку... очень хочу, чтобы друг помог мне, ведь я могу положиться только на него... он всегда мне помогал... всю жизнь, с детства... я напуган, мне жутко больно и холодно... я не хочу умирать.

«Схожу с ума» – пробилось сквозь нагромождение образов. Мир кувыркнул ещё раз, меня выдернуло и швырнуло в собственное тело. Теперь я смотрел на Тараса, продолжая ещё жить его мыслями и чувствами. Всё оборвалось также

внезапно, осталось только жгучее чувство в ладони.

Тарас впился в меня взглядом, будто надеясь что-то разглядеть в глубине моих глаз:

– Прости, братишка, я сплоховал... – Его рука обмякла, потом дернулась, он выгнулся и повалился на пол.

Перехватило горло, по глазам резануло и щёки в миг стали мокрыми. Я запрокинул голову назад, рванул себя за волосы и завыл. Через несколько минут, растянувшись на века, утреннюю тишину улицы вспорол сиреной. Ещё одной. И ещё. Звуки приближались, разрывая тишину тихо спящих утренних дворов.

«Сейчас приедут, сейчас приедут, сейчас приедут» – наползали мысли друг на друга. Я сидел рядом с неподвижным другом, раскачиваясь из стороны в сторону и, как заведенный, повторял эти слова. Перед глазами проносились лестница, окно, площадка, двери, тело Тараса, отброшенный в сторону рюкзак. Какая-то мысль пыталась пробиться сквозь бесконечные «сейчас приедут». «Что он говорил про планшет?» – я дёрнулся к рюкзаку, схватил лямку, дернул молнию. Вот планшет. Спрятать! Покрутил головой по сторонам по сторонам – голая лестничная площадка. Дверь открыть никак не успеваю – снизу уже слышен скрип тормозов. Перепрыгивая ступеньки, взлетел к окну и едва успел запихнуть планшет между подоконником и батареей, как снизу хлопнула входная дверь и парадная заполнилась гулким топотом. Я осторожно вернулся к двери и сел на пол рядом

с Тарасом.

Первыми на площадку, как чертики из коробки, выскочили полицейские с автоматами наперевес. За ними поднялись невозмутимо спокойные медики и разбуженные соседи. Завертелась круговерть полицейской работы, засуетились медики, заохали соседи. У меня слипались глаза, мир продолжал кружиться, к горлу волнами поднималась тошнота, а сердце сжало тисками. Я даже не заметил, как мой мозг, словно зависший компьютер, отключился и перестал воспринимать происходящее.

ГЛАВА 2

Я проснулся от невыносимой боли в сведенной ноге. Пытка какая-то, честное слово. Пальцы скрючило и никаких сил не хватает распрямить обратно. Кажется, будто в ступню через пятку вставили стальной прут и теперь проворачивают туда-сюда. Пришлось схватиться обеими руками за ногу и с ожесточением тереть её. Ну вот, немного отпустило. Сел, огляделся. Что за ерунда? Деревянная полка, облупившиеся стены без окна и массивная железная дверь, всё это отвратительно густого зеленого цвета. В довесок ко всему, жуткая вонь от грязной кучи какого-то рванья на полу. Куча пошевелилась и смачно захрапела.

События прошедшей ночи плохо восстанавливались в голове. Отлично помню ресторан, Семёныча, мерзкое пиво. Помню, как вышел на Садовую, как подошёл к подъезду. А дальше – пустота. Голова трещит, словно с дикого похмеля. Вроде не так много и выпил. Еще болит лоб и под правым глазом. Я ощупал голову – ну точно, шишка. А под глазом фонарь, надо думать. Похлопав себя по карманам, обнаружил пропажу телефона, документов, денег. Может мне дали по голове и обокрали? Тогда где я? На больницу не похоже, скорее на СИЗО. Долго гадать, что произошло и где я нахожусь не пришлось. Загремел ключами и отпер дверь молодой лопухий сержант, в мешковатой форме на пару раз-

меров больше нужной.

– Мальцев, на выход!

– Куда?

– Рот заткни! На выход, значит – на выход. Вопросы здесь будут задавать тебе. – Несмотря на молодость, хамил полицейский, уже вкусивший безнаказанной власти. – Руки за спину, лицом к стене!

Щелкнули наручники, загремели ключи. Сержант запирает-отпирает двери, ведя меня по слабоосвещенному узкому коридору. Кажется, страх и ненависть за многие годы впитались в эти стены и теперь вместе с низким потолком давят на плечи. Тягостное безмолвие коридора нарушается только лязганьем засовов, да звуками шагов арестованных и конвоиров.

Сержант отворил очередную массивную дверь и пропустил меня в комнату без окон, зато с невероятно скромной обстановкой – стол и два стула. Одно хорошо: уходя, он забрал с собой наручники, уже успевшие содрать кожу на запястьях. Сел на один из стульев, потёр ссадины. Ждать пришлось долго и я, от нечего делать, принялся внимательно разглядывать комнату. Здесь тоже всё выкрашено в мерзко-зелёный. Ремонта не было давненько. На стенах краска потрескалась и кое-где отвалилась. На потолке влажные разводы и свисающая бахромой побелка. Линолеум на полу настолько затёрт, зашаркан, что невозможно определить его первоначальный цвет и узор. Затхлый запах нежилого под-

земелья замечательно дополняет картину. Именно так я себе и представлял какую-нибудь допросную по фильмам и книгам.

Дверь, противно заскрипев, лягнула и впустила мужчину невысокого роста, худощавого, одетого в хорошо сидящий на нём тёмно-серый костюм. Я подскочил со стула, не зная, как положено вести себя на допросе. Мужчина стремительно пересёк комнату, бросил на стол тощую картонную папку на верёвочных завязках и указал мне на стул:

– Садитесь, Мальцев. – Голос оказался ниже, чем можно было ожидать от человека такой скромной комплекции. – Олег Антонович Юревич. Ваше дело буду расследовать я.

Он в упор уставился на меня, сведя брови. Весь лоб его избородили глубокие морщины.

– Олег Антонович, я ничего не понимаю. Почему я здесь оказался? Какое такое дело? Я вообще не помню...

Следователь прервал меня, резко махнув рукой. Дернул верёвки, распахнул папочку с моей фамилией на обложке и разложил на столе несколько фотографий. Молча подвинул их ко мне. Несколько секунд я не мог осознать, что там снято, а потом меня словно хватили дубиной по темечку, вспомнилось всё сразу. Я застонал и схватился за голову.

– Вспомнил? – Взгляд Юревича был невыносимо тяжёл, такое впечатление, что он пытается просверлить во мне дырку, через которую станет видно все мои тайны. Я не смог выдержать и опустил вниз глаза. – Теперь так. Я хочу знать

правду. За что? Почему? Кто сообщники? – Оглушил он меня вопросами, выпуская их очередью, не давая даже опомниться. – Всё, по минутам. Жду.

Я, сбиваясь и путаясь, начал рассказывать про вчерашний день, потом перескочил на нашу старую дружбу, запутался окончательно и совсем сник. «Этот следователь что, реально меня подозревает? Похоже, так. А что он еще может думать? Вот труп, вот парень весь в крови рядом сидит. Сосед тоже невесть чего мог наговорить. А что же мне теперь делать? Что сказать, чтобы мне поверили?» – в голове завертелись-закрутились мысли. Я глянул на Олега Антоновича – тот стал мерять комнату шагами, стремительно разворачиваясь и посматривая при этом на меня. Постояв у двери, он опять вернулся к столу, резко дернул ящик стола, сгрёб туда папку и фотографии. Запустил руку вглубь ящика и извлёк самодельную пепельницу из разрезанной алюминиевой банки. За пепельницей последовала пачка дешёвых сигарет, с которой он одним движением сдернул пластиковую обёртку и подтолкнул по обшарпанной столешнице ко мне.

– Куришь? – Следователь похлопал себя по карманам, один раз, второй, заглянул в открытый ящик стола и вытащил старую бензиновую зажигалку.

– Бросил. – Помотал я головой, но Юревич продолжал держать сигареты и зажигалку. – Хорошо, давайте.

Я честно попытался прикурить: щелкаю раз, другой, а пальцы дрожат, соскальзывают – ничего не получается.

Олег Антонович забрал зажигалку, спокойно чиркнул и протянул мне огонь. Теперь сигарета занялась с первой же затяжки, глубокой, сильной. Сразу же закашлялся, да так, что не остановиться. Давно не курил, уже больше года. Табак очень крепкий, терпкий, горло дерёт – дай бог. В голове немного поплыло, но на душе вдруг стало значительно легче. Понял, что весь дрожу, меня бьёт озноб и по спине струится холодный пот. Затянулся ещё раз и сразу стало теплее, спокойнее. Надо взять себя в руки. После третьей глубокой затяжки я смог собраться и слова хлынули сами собой:

– Олег Антонович, я не убивал Тараса! Он мой лучший друг, даже больше чем друг – он мне как брат! Был... – Обожгло меня воспоминание о вчерашнем, пришлось стиснуть зубы, крепко зажмуриться и заставить себя продолжать. – Я из бара как раз возвращался, просидел там до закрытия почти всю ночь. Можете проверить. Официанты меня хорошо знают, подтвердят. – Я торопился высказать всё как можно быстрее, боясь, что забуду что-нибудь важное, не смогу убедить этого сурового человека. – Когда домой пошёл, было около пяти утра. На улице ещё пусто совсем, ни прохожих, ни машин. Тихо, спокойно всё. А когда в парадную зашёл, то услышал такие негромкие хлопки, вроде как в ладоши. Потом наверху стали о чём-то спорить. Один про какой-то камень спрашивал, второй вроде как отвечал, что не понимает, о чём речь. Тут я узнал голос Тараса и бросился к нему на помощь...

– Кого-нибудь в парадной внизу заметили?

– Нет, внизу никого не было.

– Почему соседей на помощь не звали?

– Я даже не успел ни о чём подумать. Если Тарас в беде, надо ему помогать. А потом в меня выстрелил второй. Там было двое в одинаковых плащах, такие невысокие, но чувствуется, что крепкие, накачанные. Один Тараса держал, второй просто на площадке стоял. Когда он меня заметил, руку выхватил из-под плаща и пальнул. Хорошо, я споткнулся, а то бы продырявил меня, сто процентов. А так пуля рядом чиркнула, там должен был остаться след на стене. Кусок знатный выбило, меня всего крошкой каменной осыпало. Потом пуля срикошетила и в окно. Вы стёкла соберите, там должен быть осколок с дыркой.

Юревич слушал внимательно, не перебивал, ловил каждое моё движение. Когда я останавливался, он задавал уточняющие вопросы. Серьёзный мужик, наверное немало повидал на своём сыщицком веку. Только сможет ли разобраться во всей этой чертовщине? Надеяться мне больше не на кого, лучше выложить следователю всё, как есть. Я помолчал, подумал и совершенно неожиданно для себя ляпнул:

– Это я виноват.

– Здесь подробнее. В чём конкретно вы виноваты? – Олег Антонович оживился, даже потёр руки, пересёк комнату и опустился на край стола. Нагнувшись ко мне повторил: – Так в чём же вы виноваты?

– Не уберег я друга. Мы с ним неразлучны с четвёртого класса ещё были. Они приехали тогда как раз в соседнюю квартиру. На новом месте всегда трудно сначала. Друзей нет, никто с тобой играть не хочет. В школе тоже никто не помогает, наоборот, только издеваются. А он тогда был маленький, слабый, да ещё и рыжий. Как-то иду после тренировки домой, а он голову в лестницу просунул и обратно выбраться не может. Уже посинел весь – хрипит, руками-ногами дрыгает, даже закричать не может. Я бросился домой, схватил масло растительное и давай ему голову поливать. Ну и выскользнул он. Там выше, ближе к перилам пошире было, только он дотянуться не мог. Я его подхватил, а потом как по маслу пошло. Правда ухо-таки порвали слегка. Ну и с того момента мы не расставались практически. Всё вместе делали. И учились вместе, и шалили, и гуляли, и играли. У меня ведь тоже друзей не очень было. – Воспоминания захлестнули меня и заставили забыть, где я и почему. – Я с ним даже за компанию в военкомат пошёл, хотя сначала думал в институт поступать.

– Это всё, конечно интересно, только слабо к делу относится. Ты вот говоришь, что на тебе вина. А поточнее можешь объяснить? Не впадая в детство? – Олег Антонович перестал мне «выкаты» и мне почему-то стало проще от этого, пропала скованность. Как бы понятнее ему объяснить? Так чтобы он понял – да, я виноват. Но не в смерти Тараса, а в том, что не смог помешать его убийцам.

– С полгода назад это началось. Он к отцу в Белоруссию ездил. Его родители давно в разводе были, поэтому они с мамой и переехали сюда. Тут приходит телеграмма Тарасу – отец умирает и просит приехать. А как вернулся, его словно подменили. Поначалу я просто думал, что переживает парень тяжело. Только что-то разладилось в нашей дружбе. Он стал меня сторониться, новые знакомые какие-то появились.

– Так, а подробности поездки он не рассказывал?

Сигарета обожгла мне пальцы, я посмотрел на окурок и вдруг ясно увидел перед глазами страшную картину умирающего на моих руках друга. Из головы тут же вылетел весь разговор со следователем, я вытаращился на свои пальцы, но не видел ни их, ни сигарет, ни Юревича.

– Мальцев! – Громкий возглас вернул меня обратно. – Рассказывал Тарас о своей поездке к отцу? – Повторил он свой вопрос и протянул мне ещё одну сигарету.

– Нет, ничего не говорил, – продолжил я, затягиваясь с каким-то остервенением. – Он отмалчивался, можно сказать игнорил меня. А когда я его однажды припёр к стенке и прямо спросил, что с ним творится – он просто от темы уклонился. Наплёл с три короба фигни всякой. В общем, не хотел со мной откровенничать. Для меня это, как удар под дых. Родные у меня за границей живут. Девушкой не обзавёлся пока. Друзей, кроме Тараса, нет. Такая грусть-тоска на меня напала. А в баре этой ночью решил: всё, хватит, пора с ним серьёзно поговорить, теперь не отвертится. Я боялся, что

его затянуло в какой-то незаконный бизнес. Значит надо парня спасать.

– Почему ты решил, что он занимается чем-то противозаконным? – Насторожился следователь, как охотничья собака, учуявшая след.

– Деньги. Мама у Тараса бизнесом занималась. И раньше всё шло хорошо. Потом кризис, банкротство, она уехала куда-то с новой идеей и пропала. Так мой друг, по сути, остался один. Деньги кое-какие были в зачатке, но надолго их не хватило. Тарас на работу устроился, но не шикавал. А тут вдруг телефон дорогой, часы, шмотки. И ещё, у него постоянно появлялись какие-то гости. Я слышал за стенкой разговоры.

– А видел кого-нибудь?

– Нет, – помотал я головой, – только слышал. Это странно, конечно, но ни людей на лестнице, ни звонков в дверь, ничего.

– Тогда в чем же ты винишь себя, можешь всё-таки пояснить?

– Да в том, что не успел. Я не смог остановить его, не поговорил по душам вовремя. И сегодня не успел. Приди я хотя бы на пару минут раньше...

– У нас, возможно, было бы на один труп больше. – Остудил меня Олег Антонович. – Что дальше происходило в подъезде?

Я вспоминал, ещё раз подробно описывая незнакомцев

в плащах. Опять рассказал о выстреле, о том, как убийцы сиганули прямо в проём, как Тарас схватил меня за руку. На этом месте я запнулся, а следователь, сузив глаза и насупив брови, терпеливо ждал продолжения.

– Ну и вот, он вцепился мне в ладонь, хотел что-то сказать, потом задёргался и... Дальше плохо помню. Приехали скорая и полиция, соседи набежали и я отключился. – Про то, что я побывал в мыслях Тараса, говорить не стал – сочтёт, что вру. А малейшее сомнение в правдивости хотя бы части рассказа наведёт тень на всё остальное. Про планшет сначала даже как-то и не вспомнилось. Ну, это и к лучшему, мало ли что там у Тараса в файлах. Надеюсь, меня всё-таки отпустят. И тогда я сам попробую разобраться с его дневником.

Юревич спрыгнул с края стола, вытащил из стола стопку чистых листов бумаги:

– Всё, что рассказал, здесь запиши. Внизу число, дату, подпись. – Распахнулась скрипучая дверь. Уходя, следователь прихватил папку с моим делом. Лопоухий сержант зашёл, дождался, когда я закончу писать, и отконвоировал меня обратно в камеру.

Время за решёткой тянется бесконечно долго. Сменялись мои соседи: бомжи, воришки, солидный мужчина в дорогом костюме, пьяный в зюзию иностранец. Говорить мне с ними было не о чем, да и они не откровенничали. Состояние угнетённое, мрачные мысли, не до разговоров. Кажется, всю свою жизнь вспомнил, мельчайшие подробности. В основном, ко-

нечно, думал о Тарасе и о том, как такое с нами случилось? Тараса больше нет, а меня подозревают в убийстве.

Рухнуло всё, чем я жил, что было мне дорого. Рассыпалось вдребезги. Как дальше быть? Одно я знаю точно – сколько бы времени я ни провёл здесь, когда окажусь на свободе, тотчас займусь поисками убийц. Мысль, что я должен сам их найти и покарать, постепенно зрела во мне, пока я восстанавливал в памяти ту страшную ночь. Где бы эти гады ни прятались, я разыщу их, достану из-под земли и отомщу.

А пока меня периодически водили к следователю, где я подписывал какие-то протоколы. Ещё несколько раз пришлось подробно излагать свою историю, устно и письменно. Юревич пытался меня поймать на противоречиях, заставляя помногу раз восстанавливать картину происшедшего. Наконец, на третий день моего заточения, состоялся наш последний разговор. Олег Антонович, буравя меня глазами, подвинул лист с распечатанным текстом:

– Отрицать не буду, пока я считаю тебя соучастником убийства. Но. Никаких стопроцентных доказательств и улик нет. Держать тебя дольше, без предъявления обвинений, не имею права. Поэтому, вот тебе документ, внимательно ознакомься, подпиши и пока свободен. Я подтянул к себе бумагу. «Подписка о невыезде и надлежащем поведении». Тут же Юревич выдернул её обратно из моих рук и протянул другой лист.

– Или как ты смотришь на такой вариант – ты сейчас пи-

шесть «чистосердечное признание». Помогаешь, так сказать, следствию. А мы тебе, глядишь, пару годиков скостим. Ну что? – Он прищурился и склонил голову набок.

– Я ни в чём не виноват, – мне удалось выдержать его тяжёлый взгляд и не отвести глаз – невиновный должен смотреть смело в лицо своему судье.

– Ну что же, значит признаваться мы не хотим... – Он помолчал, подождал и вновь протянул мне «Подписку...»

ГЛАВА 3

Хмурое утро, мерзкая морось и туман встретили меня на улице. После трех дней взаперти, без глотка свежего воздуха, даже такая непогода в радость. Хорошо прочищает легкие от спёртого камерного духа, а мозги от разных дурацких мыслей. Пойду домой не спеша, подышу, погуляю. Тем более, что в такую рань меня никто не заметит. Потихоньку доберусь, помоюсь, переоденусь, наконец. А потом буду решать, что делать дальше.

Редкие прохожие, прячась под разноцветными зонтами, спешили к метро, в лужах отражались трамваи и маршрутки, неустанно снующие по городу в любую погоду. Влага, висящая плотным облаком в воздухе, быстро облепила меня, вымочив с ног до головы. Вдобавок ко всему, мимо меня с мигалками и сиреной промчался экипаж ДПС и окатил грязью. Джинсы мокрой тряпичей облепили ноги, а в кроссовках образовалось гнусное, чавкающее болото. Такая злость меня охватила – был бы под рукой камень – запустил бы им вслед. Теперь вот стой, обтекай. Меня пробрал озноб, не заболеть бы. Хорошо бы нырнуть в какое-нибудь уютное тёплое местечко и выпить рюмку-другую горячительного.

Мысль эта показалась мне настолько привлекательной, что домой я не дошел. Только до Сенной площади. Есть тут несколько заведений, в которых можно получить незамедли-

тельную помощь. И это отнюдь не аптеки. Наливают здесь, конечно, редкостную дрянь. Как раз то, что надо. После всего, что произошло за эти несколько дней, у меня напрочь исчезло ощущение реальности окружающего мира. Такое впечатление, будто я вырван из действительности и болтаюсь где-то рядом, не соприкасаясь, а лишь сопутствуя ей. Вот сейчас, к примеру, пока шёл сюда, не заметил даже, как через перекрестки проходил. И ничего, под машину не попал. Хотя шёл, возможно, на красный свет. А ещё с головой явный беспорядок. В медицинском смысле. Первый день после падения на лестницу тошнило постоянно и вырвало пару раз. Хорошо я тогда тыковкой-то приложился. Сотрясение, наверняка. Только сотрясение ведь за день-два не проходит, а у меня уже вчера от синяка остались едва заметные желтые полосы, а шишка так вообще растворилась. Зато противное зудящее чувство осталось – будто из затылка, транзитом сквозь сердце, дальше через всю левую руку, прямиком в ладонь натянута до предела взведённая тетива. И эта тетива готова вот-вот сорваться.

«Выпью грамм сто, сто пятьдесят, а то и все двести. Может полегчает? Ну, уж точно, не повредит» – решил я и, перепрыгивая через кривые стёртые ступеньки, спустился по грязной лестнице в рюмочную.

После первых ста грамм и правда, слегка отпустило. И мир стал возвращаться. Постепенно, как наводится резкость в объективе фотоаппарата. Проявились краски. Буд-

то я помыл стёкла и яркие цвета ворвались в дом. Потом ушёл назойливый шум в ушах – звуки стали чёткими и ясными. Наконец, ослабло давление струны в руке. После второй рюмки я почувствовал себя человеком. Откинулся на спинку жалобно скрипнувшего стула, осмотрелся – местечко то ещё, да и контингент подходящий. Дешевая пластиковая мебель; жирная, в разводах, плитка на полу; одна пожилая киргизка за стойкой трёт несвежим полотенцем посуду, другая в зале собирает оставленную посуду, и смахивает влажной салфеткой на пол крошки. Потрёпанный суровой жизнью котейка, с облезлым хвостом и обгрызенным ухом, вяло свисает с батареи. В углу двое в оранжевых жилетах сосредоточенно готовятся к новому рабочему дню. Ещё один молодой парень дремлет в обнимку с бутылкой пива, да грязная оборванка выкладывает из своей бездонной сумки на колёсиках какие-то подозрительные на вид и запах пирожки.

Чья бы корова мычала... Я сейчас от них почти не отличаюсь – грязная, в тёмных пятнах от крови на рукавах, джинсовая куртка; мятая, провонявшая потом, футболка; мокрые брюки. Уж про носки-трусы и говорить страшно. В довершение образа – небритость, липкие, спутанные волосы и пропитавший меня насквозь запах камеры. Так что вполне себе всё соответствует.

Немного посидев, взял себе ещё рюмочку. Пошла хорошо, гладко. Только через мгновение понял, что она явно была лишней: хоть в обезьяннике и кормили, но крайне скудно.

Да и последствия сотрясения, скорее всего, до конца не прошли. Так что ослабленный организм не справился и голова «слегка поплыла».

Я уставился на работяг – они уже крепко подзарядились перед трудовым подвигом и теперь громко спорили – продолжать банкет или, всё-таки, пойти на службу. Тут меня осенило, что я уже пару своих смен пропустил. «Вот же блин, как быть? Шеф небось в ярости. Пора бы тормознуть! Сейчас поднимусь и отправлюсь на работу. Там объясню, где пропал. Справку мне какую-то в полиции выдали, вот её и предъявлю шефу», – здраво рассудил я. И заказал ещё соточку. На этом, впрочем, я действительно остановился. Посидел еще минут десять, дожеввал чёрствый «сэндвич» и, наконец, выбрался из гостеприимного подвала на теперь уже шумный проспект.

Кажется, вот только недавно я спустился в разливочную и был с полчаса, ну максимум час. Только город за это время изменился до неузнаваемости – толпы людей несутся в метро и из него, машины жмутся, пытаюсь протиснуться через узкие перекрёстки, стоят в пробке трамваи и автобусы... Шум, гам, гул, трескотня, беготня. Выхлопные газы смешиваются с ароматами из многочисленных кафе и запахами жареных пирожков, доносящимися с лотков и ларьков. Из открывшихся парфюмерных магазинов льются благоухания, сплетаясь в невообразимый коктейль. Голова кругом от всего идёт.

И, самое удивительное, ни следа от встретившего меня

утром сырого тумана и дождика. Такая вот у нас в Питере погода – непостоянная, как ветреная девушка. Ярко сияет солнце, выпаривает лужи, утюжит крыши и радуется туристов, вооруженных разнокалиберными фотоаппаратами. Они готовы снимать всё подряд, крутятся на узких тротуарах и мешают потоку озабоченных своими буднями горожан. Занимательно – в родном городе ты спешишь по знакомым с детства улицам и проспектам и не замечаешь вокруг ничего особенного. Прносишься мимо памятников и дворцов, проскакиваешь фонтаны и каналы, ведомый делами и хлопотами. Но стоит только приехать в отпуск, в первый встречный городишко любой страны, и каждая башенка, красивый поворот, изящный фонарь, нелепый житель, ленивый котик – всё становится желанной фотодобычей. И копятся миллионы байт, сотни фотографий, занимают место на жестких дисках компьютеров. Хорошо, если их просмотрят хотя бы раз в пару-тройку лет. Чаще всего им грозит остаться забытыми навсегда, погребёнными под грудой новых снимков.

Ноги сами принесли меня в одно из самых моих любимых мест – в Юсуповский сад. Нашёл себе свободную скамейку в укромном уголке и немного посидел в тенёчке, разглядывая спешащих прохожих, играющих малышей и их привлекательных мам, сизых голубей и хлебный мякиш. Здорово-то как! Быстро я отвык от нормальной жизни, потерял связь с этой безмятежностью, с радостными лицами, ласковым голубым небом и тёплым солнцем. Шок и ужас по-

степенно стирались, из сердца исчезла засевшая в нём тупая игла. Правда, стоило мне на секунду вернуться мыслями к происшедшему той ночью, как игла вернулась и разорвала острой болью грудь. Всё, хватит расслаживаться, пора двигать дальше. Тем более, что шум в голове стал стихать, а земля перестала покачиваться под ногами. Хорошо, что идти буквально сто шагов.

Ещё не доходя металлических ворот в мастерскую, я уже услышал, как за ними надрывается русский шансон. Вообще-то мне по душе совсем другая музыка, но по восемь часов в день я вынужден был слушать это радио, так что почти весь репертуар уже наизусть выучил. Ох уж эти любители лагерной лирики... Но сейчас эта дворовая музыка из трёх аккордов, щедро сдобренная слезливыми жалобами на несправедливую судьбу, постигшую этих упитанных мордатых мужиков в золотых цацках, показалась мне почти родной. Я рывком распахнул калитку и перешагнул высокий порог. В табачном дыму, висевшем серым неподвижным облаком над верстаками, с трудом обнаружили ребят из смены Виталика.

– Здорово, мужики! – попытался я перекрикнуть радио. Ребята возились с хёндаем на подъёмнике и только вяло помахали в мою сторону. – Шеф у себя?

– У себя. Злой, как тысяча чертей.

Шеф в ярости – хуже некуда. Он, по-моему, вообще себя не контролирует в таком состоянии. Вот-вот, уже слышно,

как он орёт за дверью своего закутка. Маты, не трёх-, а десятиэтажные, автоматными очередями лупят в собеседника. Внезапно настала тишина. Потом – хрясь! Это он телефон разбил. У него долго аппараты не держатся – покупает сразу штук 10 самых дешёвых. Хватает максимум на полгода.

Постоял под дверью, прислушиваясь. Вроде тихо. Может успокоился? Разбивая очередной телефон, он как бы пар спускает.

Только никогда не угадаешь – это уже штиль или затишье перед новой бурей. Деваться-то всё равно некуда, надо идти. Я постучал и нырнул в дверь, как в полынью. Шеф обернулся ко мне, зверски вытаращил на меня глаза, одна щека у него задергалась, рот скривился, будто он увидел невообразимую кучу дерьма прямо у себя под носом. Здоровая волосатая лапища хрястнула по столу, на котором подпрыгнул стакан с чаем, взвились в воздух какие-то документы и разлетелись по пыльному полу. Всё так же дико вращая зрачками, он достал из стола маленькую серую книжицу, швырнул в мою сторону и проревел лишь одно слово:

– ВОООООННН!!!!!!

Я не стал испытывать судьбу, повернулся и, выходя, ша-рахнул дверью так, что за спиной посыпались рамочки с дипломами со стен. Ответом мне была зловещая тишина. Уж не знаю, что там приключилось с шефом. Может его просто припадок хватил? Только ни единого звука не прозвучало, пока я не вышел на улицу. К мужикам я не подошёл – ка-

кой в этом смысл? Друзей-приятелей среди них у меня нет, а трепаться попусту сейчас никаких сил нет.

Я развернул трудовую книжку: «Трудовой договор расторгнут в связи с однократным грубым нарушением работником своих трудовых обязанностей – прогулом». Возможно, я мог бы настаивать на уважительности моего «прогула» и требовать восстановления в должности. Только сейчас мне абсолютно всё равно. Не до работы и не до торжества справедливости. Даже не представляю, как можно в таком состоянии заниматься сложным кузовным ремонтом или в электрике ковыряться. Да и с этим самодуром сейчас без толку препираться. Может, через пару-тройку дней попробую зайти опять и поговорить, когда он успокоится. Или поищу себе другую работу. Здесь неподалёку ещё один автосервис есть, а работник я неплохой, перспективный, в институте профильном учусь. Хороший спец место себе найдёт, в этом нет сомнений – мне неоднократно предлагали перейти в другой сервис на хорошие деньги. Ездить далековато, вот я и оказывался. Финансовая проблема меня пока не тревожит – живу скромно, домашних животных нет, с девушками как-то не складывается пока. Так что на карточке за три года работы и халтуры набежала внушительная сумма.

Занятый тяжёлыми мыслями о своём прошлом и будущем, я не заметил, как оказался у своего дома. Подход к родному парадному перекрыли несколько незнакомых машин, перегородив почти все подъезды и проходы. Что-за ерунда

тут творится? Съезд какой-то? Только поднявшись на площадку, понял, в чём причина. Поминки.

Тут на меня опять накатило. Честно говоря, до сих пор не могу поверить, что Тараса больше нет. Увидев открытую дверь в его квартиру и людей за столом, почувствовал ком в горле и желание поскорей напиться до бесчувствия. Да так, чтобы ничего не помнить, не видеть эту страшную картину перед глазами, не переживать последнюю дрожь его тела, не слышать его последние мысли. Как бы я хотел... Да я бы многое отдал, за то, чтобы вернуться назад. Постараться раньше выведать у друга, что с ним происходит. Или хотя бы выйти из бара минут на десять пораньше. Почему не смог вовремя разобраться, прийти на выручку? Во всём виноват, кругом виноват.

Стоп! Грызть себя получается замечательно, только какой в этом смысл? «ЯН!» – Обожгло меня воспоминание о последней просьбе Тараса. Как я мог забыть? Надо уходить отсюда, забирать планшет и приниматься за поиски таинственного Яна. Этот не-известный мне пока человек в большой опасности, нужно срочно найти и предупредить его. И ещё, это единственная ниточка, за которую можно потянуть, чтобы разобраться в гибели моего друга. Стоит поторопиться, убийцы могут опередить меня и тогда что делать? Опять изнывать от стыда и чувства вины?

Пока я стоял как вкопанный перед открытой дверью, меня заметили. Сколько-то-юродная сестра Тараса, молодая де-

вушка, с которой он совсем недавно знакомил меня, выско-
чила из квартиры, хлопнула дверью и заговорила часто-ча-
сто, захлебываясь, не успевая договорить одни слова и пере-
скакивая на другие:

– Илья, что здесь произошло? Мы знаем, что тебя заби-
рали в полицию, слухи ходят, что это ты Тараса, а Василий
Петрович говорит, что видел других, которые сбежали, а ему
не очень верят...

– Постой, Алёна, постой, не тараторь.

– Тогда скажи мне, ведь это не ты? Ты ведь не мог, я
знаю, Тарас мне рассказывал, как ты его спас, как вы дружи-
ли, как...

– Алёна, ты прости, я не хочу сейчас говорить.

– Ты что, Илья, не молчи, хуже будет. Они же все, – она
махнула рукой себе за спину, – они все думают на тебя.
Мстить даже хотят. А я знаю, что это не ты, я не верю. Ты
ведь не мог. Ты ведь его любил. Ну, в смысле, вы как братья
были. Мне Тарас говорил. А они сговариваются тебя избить
или еще хуже. Не молчи, скажи, я прошу тебя! – Она про-
должала выстреливать десяток слов за секунду. Схватив мою
руку, девушка стала трясти её, видимо, пытаясь вытряхнуть
из меня всю правду. В её глазах набухли и покатались уже
проторенными дорожками слёзы. Пристально глядя на меня
снизу вверх, она всхлипывала и шмыгала носом.

За дверью всё громче препирались о чём-то низкие голо-
са, потом створки с грохотом распахнулись и на площадку

вывалились несколько мужиков, здоровых, мощных, чем-то похожих на викингов. Может мне так показалось из-за преобладавшего у них рыжего цвета волос самых разных оттенков – от ярко-огненных до светло-соломенных. Сразу видно, что это родственники Тараса. Плотнo обступая полукругом, они прижали меня к перилам, грозно уставились в лицо и молчали. Я буквально почувствовал напряжение в воздухе, неприязнь, ненависть, распирающую этих серьёзных ребят. Нас разделяла только хрупкая Алёна, растопырившая руки в стороны и почти прижатая ко мне. Слово взял рыжий бородатый здоровяк, упиривший мускулистые руки в бока:

– Ну-ка, доченька, отойди от него, нам поговорить надобно. Алёна жалобно посмотрела на меня, сильно прикусив губу.

Потом смахнула слезинки рукавом, развернулась и скрылась за спинами.

– А теперь давай, рассказывай...

Я вдруг ясно осознал, что сейчас надо говорить правду, только правду и ничего, кроме правды. Как бы странно эта правда ни звучала. Если я буду мямлить и что-то пытаться объяснить этим людям, то скоро здесь будут ещё одни поминки.

– Стойте, спокойно! Всё сейчас подробно расскажу! Я возвращался из ночного клуба. – Надо говорить четко, так чтобы голос не дрожал и не срывался. – Было примерно часов пять утра. Когда поднялся – услышал здесь разговор.

Кто-то что-то требовал от Тараса. Я бросился на помощь. Здесь стояли двое уродов в черных плащах. Вот тут и тут. – Я ткнул пальцем, мужики слегка расступились, освобождая место. – Такие невысокие, но реально страшные. Один выстрелил в меня, но я упал на ступеньках и пуля ушла в окно, – я повернулся в сторону сих пор пустующей рамы, – вот туда. Я крепко ударился об пол головой. Крики и стрельба разбудили соседей. Снизу поднимался Василий Петрович и кричал, что вызовет полицию. Тогда эти двое прыгнули вниз через перила и пропали. Я подбежал к Тарасу, но он ... – Я споткнулся на этих словах и понял, больше не могу сказать ни слова. Горло перехватило, а по щекам побежали слёзы. Постарался успокоиться. Несколько раз медленно глубоко вдохнул-выдохнул и продолжил: – Так и умер. Прямо у меня на руках. Тут же приехали полиция и «Скорая». Вот и всё. Если хотите, расспросите Василия Петровича, пусть расскажет – что он видел?

Тишина была мне ответом. Я огляделся – мужики хоть и продолжали стоять кругом меня, но угрозы я больше не чувствовал. Бородач опять взял на себя роль главного:

– Петрович примерно тоже самое говорит. Мы ему сначала не поверили. Люди, которые прыгнули вниз и растворились – это что-за хрень? Думали, ты врать начнёшь и себя выгораживать. А ты такую же чушь несёшь. Получается, что ты не врёшь. Не стал бы убийца себя подставлять, рассказывая такую ерундовину – никто же всё равно не поверит. –

Сделал он поразительный вывод из моего рассказа и развернулся к раскрытой двери, за которой маячили другие родственники Тараса. – Я ему верю. Не виноват пацан!

– Виноват. – Неожиданно для себя выступил я. От этих слов люди остолбенело уставились на меня. – Я его не остановил вовремя. Не понял, что он впутался в какую-то историю. Ведь я его друг, я должен был поговорить с ним, выяснить, достучаться. Но не успел. Сидел в баре, пиво жрал. А должен был с ним быть. Хоть бы на минуту раньше пришёл... Да лучше бы они меня пырнули, чем так теперь мучиться. – Слова хлынули из меня вместе со слезами. Теперь я не мог остановиться и продолжал нести ещё что-то про дружбу, про то, что я дурак, что во всём только я и виноват.

Остановил меня викинг, опустив тяжелую руку на плечо, а второй рукой протянув полный стакан. Обожгло. Взорвалось внутри. Я закашлялся и долго не мог остановиться. Мне протянули еще один стакан. Обожгло снова, но уже как-то мягко. Неторопливо, можно сказать, нехотя, тепло растекалось во мне. – Послушайте меня, – слова давались с трудом, язык стал неповоротливым и слишком большим, – я найду их. Найду. И всё. И отомщу. Клянусь вам. Клянусь. – Стоять вдруг показалось очень тяжело, я привалился к ограждению лестницы, чтобы немного отдохнуть, и закрыл глаза.

ГЛАВА 4

Очень хочется пить. В горле песчаная буря и верблюжьи колючки. А ещё так давит в паху, что в туалет лучше не идти, а бежать. Я подскочил было на ноги, но голова пошла кругом и навалилась жуткая слабость. Привалился к спинке неразобранного дивана, на котором спал прямо в одежде, немного отдышался и попробовал (только теперь уже медленно, не форсируя события) подняться на ноги. Стоять можно. Держась руками за стены, потихонечку, полегонечку, я прокрался в ванную комнату. Она у меня крохотная, совмещенная с туалетом. Зато очень удобная. Папа делал ремонт и подошёл к этому делу по своему обычаю скрупулёзно, до мелочей выверяя каждый миллиметр. Он всегда работает на совесть. Так что теперь здесь царит полный порядок, есть всё что нужно, причём буквально под рукой. А уют наводила мама. Поэтому, несмотря на скромные размеры, здесь поместились: душевая кабинка, унитаз, раковина, стиральная машинка, огромное зеркало прямо в двери и куча полочек.

Я залез под душ и стал отмокать. Утром я почти всегда очень долго оживаю – проснувшись, не чувствую ничего. Вползаю под жёсткие струи горячей воды и жду, когда ко мне вернуться ощущения. Поворачиваю кран в сторону холодной, с трудом выдерживаю минуту и уже бодро выскакиваю, готовым к новым свершениям и подвигам.

Сегодня было почти также. Только ощущения пробудились не из приятных. Заныл висок, а в животе проснулось и забурило жерло какого-то вулкана. Выбравшись из душа, почистил зубы, посмотрел на себя в зеркало и оторопел: под глазом гематома почти рассосалась и вместо лилового стала бледно-желтой. Только под другим глазом. Зато под тем, которым я давеча приложился к лестнице, нет даже имевшегося только вчера намека на синяк. А ещё щёки покрыты примерно трехдневной щетиной. Ёшкин кот! Что же это происходит?

Я внимательно осмотрел себя снизу доверху, пытаюсь заметить ещё какие-либо странности. В остальном всё на месте. Как всегда. Даже выдохнул с облегчением и постарался целиком охватить себя взглядом: молодой человек, двадцати пяти лет, чуть выше среднего, худощавый, подтянутый, можно даже сказать спортивный. Руки-ноги – на месте. Копна вьющихся нечёсанных волос, крупные губы, чёрные глаза – тоже на месте. Кроме щетины и почти растворившегося синяка, который невесть откуда взялся, ничего диковинного. Если не считать того, что у меня лицо и так не совсем обычно – левая половина почти неподвижна. В детстве из-за этого сильно переживал, потом привык. Особенно после того, как меня перестали дразнить, а стали принимать этот лицевой паралич за свойство характера, выдержку и невозмутимость.

Бриться люблю, только не знаю, куда подевалась машинка. Мама мне в подарок прислала. Хорошая, немецкая, зверь-

машина. Деваться некуда, придется одноразовым станком скрестись – щетина уже такая, что неприлично будет из дома выйти. Прежде всего, надо посмотреть, что у меня есть в холодильнике, определиться с покупками и сбегать в магазин. Распахнув дверцу, я понял, что вместо холодильника у меня – Пик Коммунизма. Чисто, холодно и абсолютно пусто. Нет ничего, кроме льда в формочке. Да что же тут творилось?

Можно подумать, что пока я спал, кто-то обчистил квартиру. Я стал поочередно распахивать дверцы шкафов кухни. Слава богу, вся техника и посуда вроде на месте. Немного понятнее стало, когда я дошёл до мусорного ведра. Упаковка от всех запасов еды была смята и плотно, с горкой, забита в ведро. Всё остальное пространство шкафчика занимали пустые бутылки водки, пива, коньяка, вина... Это я серьёзно посидел. Только ведь не может один человек столько выпить. Каким бы могучим по части алкоголя ни был организм, это просто невероятно. Но ведь очевидно. Вот бутылки, вот вполне себе здоровый организм. Слегка с похмелья правда, но не мертвецки пьяный. Так, хорошо, давай проверим чайный шкафчик. Ну вот! Кофе, сахар, и лимон в наличии. Заварю кофейку покрепче и приведу все мысли в порядок.

Вскрывая пачку, я вспоминал детство и редкие завтраки вместе с папой. Аромат свежемолотого кофе с самого детства был для меня связан с теми счастливыми минутами, когда отец приезжал домой из командировок. Вся семья соби-

ралась утром за одним столом. Папа заваривал кофе только сам, маме не доверял. У него был свой рецепт, можно сказать целый ритуал, кофейная церемония. Из-за границы он привозил сырые кофейные зерна, которые обжаривал на специальной сковороде, постоянно помешивая деревянной лопаткой. Затем молот на старинной ручной мельничке, доставшейся в наследство от бабушки и варил кофе в бабушкиной же медной турке, давно утратившей свой блеск. Когда по квартире растекался дивный аромат, я со всех ног бежал на кухню.

С тех самых пор я не пью растворимый кофе. Честно говоря, я вообще пью кофе очень редко, для меня он так остался праздничным напитком, а не будничным. Портить свои детские воспоминания отвратительной растворимой бодягой – нет уж, увольте.

К большому сожалению, терпения на поддержание папиных традиций у меня нет. Зато есть отличная, очень дорогая кофеварка и несколько коробок с первосортным кофе. Правду сказать, мельничку с туркой папа с собой забрал, так что всё равно варить по его рецептам не выйдет. Поэтому я быстро набил кофе в рожок, заварил себе по-настоящему крепкий эспрессо и потер в него корку лимона. Может кому-нибудь покажется странным такое сочетание, а по-моему просто великолепный букет. Густой аромат прочистил голову куда лучше аптечной химии, а первый глоток обжег язык и нёбо. Вот не надо, не надо так торопиться, когда можно

спокойно, с чувством, с толком...

Планшет!!! Я подскочил, как ужаленный и рванул к двери прямо как был – в трениках и с босыми ногами. За спиной грохнул об пол табурет, но я не обратил на это внимания. Распахнул дверь, огляделся по сторонам, прислушался – на лестнице тихо, никого нет. Быстрее, быстрее к окну. Запустил руку в щель... Сердце ухнуло в пропасть. По спине прокатился холодный пот. Спрятанного давеча девайса нет! Единственную просьбу друга не выполнил. И неведомому Яну теперь никто не поможет.

Блин, блин, блин – сколько же я пробухал? За это время, как пить дать, приделали планшету ноги. Народу в подъезде за последнее время перебивало видимо-невидимо. Кто-нибудь заметил торчащий из-под подоконника чехол, да и свистнул, ищи теперь, свищи.

Едва волоча мёрзнущие ноги, я поднялся обратно к своей площадке и плюхнулся на выщербленную от старости ступень. Сидел и тупо смотрел на свежее пятно краски, неряшливо размазанное по стене. И что теперь делать? Опросить всех соседей? Может ещё раз пошарить, вдруг планшет глубже запрятан? Спустился снова, тщательно осмотрел окно, подоконник, батарею... Однако ни глубже, ни ближе ничего не нашупал.

Понурился, я задумчиво стоял у окна. Звякнул замок на верхнем этаже, до мурашек по коже тоскливо закрипели петли. Пожалуй, лучше спрятаться от соседского внимания.

Не хочу никого видеть, ни с кем разговаривать. Быстро нырнул к себе и тихо прикрыл дверь.

В глазок было видно, как Вера Петровна спускает по лестнице на поводках трёх кошек. Кошки – замечательные, ласковые, удивительные создания. Но когда соседка держит у себя в квартире что-то около десятка котоняшек – это становится невыносимой пыткой для всего дома.

Стоп! Я вновь дернул дверь и как угорелый бросился наверх. Ну конечно!!! Я же прятал планшет выше этажом – снизу уже входили полицейские, и мне не оставалось выбора – только верхняя площадка. Потеряшка спокойно дожидался меня, не подозревая, какую бурю эмоций вызвала сначала его пропажа, а теперь находка. Чуть не приплясывая и прижимая обретённый девайс к сердцу, как самый дорогой подарок, я вернулся на кухню и попытался его запустить. Увы. Ноль реакции. Без сомнения разряжен. Хорошо, что мы с Тарасом вместе покупали, у меня точно такой же. Поставил на зарядку, подождал пару минут, заваривая себе новую порцию бодрости.

Так, пользователь Taras, это я знаю. А вот какой пароль? Тарас ведь точно успел мне тогда сказать пароль. Это я помню. Но вот начисто вышибло из памяти какой, хоть плачь. Что впрочем, вовсе не удивительно. Удивительно было бы что-то запомнить в этой чехарде событий. Тарас, убийцы, стрельба, полиция, камера, допросы, освобождение, увольнение, поминки, запой...

Я с силой зажмурил глаза, несколько раз глубоко вдохнул-выдохнул, сосредоточился и стал вспоминать, пытаюсь ничего не упустить. Вот Тарас смотрит на меня и говорит, что в его рюкзаке планшет и нужно предупредить Яна. Блин, а пароль-то какой? Что-то совсем дикое, никак не вяжущееся с ним. Дикое. Дикое? Дикое! ААА! Белка! Он что-то говорил про белку. И что-то ещё было. Что? Я ударил себя несколько раз по лбу. Белка – раз, что-то ещё два. Как же это связано? Раз, два. Раз-два. Зациклился я на цифрах. Блин! Он же ещё цифры называл!

Ура, я всё вспомнил, наливай! Хотя нет, чего вспомнил-то? Ну белка. А может squirrel? Или бялку? И какие цифры? С насюкока решить проблему пароля не удастся, надо включать логику.

Так. Когда я услышал пароль, я несколько не удивился, он что-то мне напомнил. Мне и сейчас кажется – есть какая-то объединяющая нас с Тарасом деталь, которую я сейчас упускаю. Если есть что-то общее, можно попробовать найти простым перебором. Например, знакомые. Может у кого-нибудь фамилия или прозвище Белка? Или белая горячка у кого-то была?

Нет. Пока никакого прогресса. А если я ошибся? Рас-слышал неправильно? Надо к примеру не Белка, а Велкам? Блин. Вспомнить бы цифры, а там попробовать «БелкаХ-ХХ» и «ВелкамХХХ», а может даже «WelcomeХХХ». Так ничего не выйдет, надо отвлечься на что-нибудь другое, а го-

лова сама найдет ответ. Займусь-ка уборкой – грязищу развёл за последнее время в квартире, смотреть противно. Заодно мусор вынесу. И за продуктами нужно прогуляться, пока еще есть не хочется, но через пару часов одним кофе не отделаешься.

Когда часа через три я вновь стоял под душем, смывая с себя пыль, пот и остатки хмеля, меня окатило холоднющей водой. Видимо, где-то авария и отключили горячую воду. Так иногда бывает в старых домах в центре города, я уже давно к этому привык. У многих стоят газовые колонки, а я счастливый обладатель тридцатилитрового водонагревателя. Только сейчас он отключен и не поможет мне ничем. Я стоял под потоком ледяной воды и орал, как в детстве, когда в оздоровительном летнем лагере нам проводили «закаливающие процедуры».

Тут-то меня и ожгло воспоминанием, как мы вместе с Тарасом были в одном детском лагере отдыха, на севере Ленинградской области. Где-то у меня валялись фотки из тех поездок, недавно их видел... Клацая зубами, я выскользнул из-под душа и босиком поскакал к своему письменному столу, поскальзываясь на плитке и чуть не падая. Даже полотенцем забыл обмотаться.

На нижней полке тумбочки у меня пряталась всяческая ненужная фигня, которую почему-то жалко выбросить. Вроде растрёпанных записных книжек, тетрадок со стихами, альбомов по рисованию, рогатки, старых перчаток... Ну

и где-то в этом хламе точно были детские фотоальбомы. Вот они! И где же этот дурацкий лагерь? Я перелистал один альбом. Да что за нелепица? Ничего похожего на нужное фото. Второй том. Третий.

Меня пробирала дрожь от нетерпения, и мелко тряслись руки. Хотя может я просто промерз в душе, забыл вытереться и сидел голым задом на холодном полу... Не то, не то, не то. А... вот! Я стою с долговязым огненно-рыжим пацаном в конопушках. Он в тот год рос, как на дрожжах, за лето обогнав меня сантиметров на десять, чем вызвал мою жгучую зависть. На заднем фоне домик, в котором мы тогда жили, но самое главное – у него на плече сидит белка! Точно, как я мог забыть? Была там ручная белка в живом уголке. В отличие от других обитателей уголка, она пользовалась абсолютной свободой: бегала по всем отрядам, где её подкармливали печеньем и орехами, могла ускакать в лес, но непременно возвращалась к ужину. К Тарасу же она питала нежные чувства; преследовала его по пятам, куда бы тот ни шёл; ночью приходила и устраивалась спать в ногах, как самая обыкновенная кошка; днём каталась на плече. Его даже прозвали Тарас Белкин.

В задумчивости я развернул фото и обнаружил на обороте поясняющую надпись: «Я и Тарас, 3-й отряд, 8-й домик, комната 4». Вот он – пароль: белка 384!

Несколько минут я помучился, подбирая заглавные, прописные, вбивая по-русски, по-английски, с пробелами и без

них, используя тире и нижнее подчеркивание. А подошел, в конце концов, самый простой вариант. Да уж, в смысле придумывания пароля Тарас не слишком заморачивался... Хотя нет. Стоит признать, вряд ли кто-нибудь, кроме меня, мог разгадать эту головоломку. Да и мне это не удалось бы, если б он сам не подсказал.

Что же там за «Дневник»? Я быстро просмотрел список программ. Никакого дневника. Сплошные тайны и загадки начинают надоедать. Чувствую себя внутри квеста.

Пришло время вновь обратиться к логике: если мне понадобится спрятать информацию, как я поступлю? Скорее всего, зафигачу файл в запароленную папку в облачный сервис. И достать его отовсюду могу, и прочесть никому кроме меня не удастся. Так, посмотрим, есть ли у него тут облако? Ага, есть! А в нём и папочка «Диарея» под паролем имеется. Вот же Тарас шутник! Я уверенно набрал «Белка384».

А вот и ни фига. Тут стало не до шуток. В следующие полчаса я перебрал вариантов сто с этой чёртовой белкой. Ничего. Может опять в душ сходить, под холодной водой постоять? Тут я хлопнул себя по затылку – всё до безумия просто! Планшет тренькнул, радостно встречая пароль «Дневник», и раскрыл папочку. А в папочке вордовский файл. Вас то мне и надо. Открываем, читаем...

Поначалу шёл рассказ о жизни, о службе в армии, возвращении домой. Всё до боли знакомо, только с точки зрения моего друга. Пока никаких тайн, из-за которых его мог-

ли хладнокровно убить, не видно. И только когда я перелистал Дневник на прошлый год, на ту самую поездку к отцу в Белоруссию, началось самое интересное. Я кстати помню, как под Новый Год Тарас сорвался и уехал. Успел заскочить и сказать, что его отцу плохо и надо лететь в Минск.

«... Батя совсем плох. Доктор сказала пару дней меньше. А Я устал. Очень тяжело. смотрю на него и мечтаю чтобы са мной так не случилось. Не хочу. завет меня, пить наверное хочет...». Несколько страниц тяжёлых мыслей моего друга я пролистал. Не могу заставить себя подглядывать в душу.

Наискось просматривал лист за листом, пока не зацепился за просьбу «дать руку». Тарас слово в слово описал мои чувства, когда сам схватил меня за ладонь в подъезде. Объяснить, что это такое, умирающий не успел. Потом, разбирая папины бумаги, Тарас наткнулся на записную книжку. Записи отец вёл почти всю жизнь. Довольно подробно и скрупулёзно. Даже зарисовывал кое-что. Тарас записнушку уничтожил, а все наблюдения отца и свои перенес в этот файл.

Через 20 минут я пожалел потраченного на поиски этого файла времени. Бред. Ахиня. Записки сумасшедшего. Абсурд. Галиматья. Забавная, конечно. Не замечал никогда за другом такой буйной фантазии. Или больной? Но я-то нормальный человек и во весь этот вздор верить не могу.

Оказывается, отец передал ему некую «Метку» со своей на его руку. Эта метка переносит ее обладателя в какой-то другой мир. Мир, где нет ничего, кроме могил и «сторожей».

Правда воспользовался своими возможностями папа моего друга всего несколько раз, в условиях, грозящих ему гибелью.

Ушел в мир «сторожей», а вернулся совсем в иное место. Первый раз перепугался чуть ли не до смерти. Потом, конечно, попробовал ещё раз. И ещё. В итоге вывел для себя некую теорию, считал, что это ненормально и опасно. Типа люди ещё не доросли до этих знаний, слишком непредсказуемы результаты, бла-бла-бла... Но и похоронить с собой метку не посмел, решил, что передаст сыну, когда придёт время. Напоследок выражал надежду, что Тарас найдет правильное применение для «Метки» или наступят лучшие времена, и «общество морально и интеллектуально» вырастет. Пожалуй, времена становятся только хуже.

Всё, пора искать упоминание Яна в этом «Дневнике». Пойду, заварю-ка себе кофе покрепче, судя по всему спать мне сегодня не светит.

Ещё через пару страниц я узнал, что Тарас очень быстро придумал, как распорядиться «Меткой». Предприимчив оказался мой друг. Стал таскать «с того света» всякие вещицы и диковины, которых было в избытке в склепах. Научился прятаться от «Сторожей» – аборигенов того мира, очень похожих на обычных людей, но чрезвычайно быстрых, сильных, с отменным чутьём и интуицией. Неужели это всё-таки правда? Ведь Тарас слово в слово своих убийц описывает. Эдакие ищейки-мстители, невероятно сильные и вынос-

ливые. И, судя по всему, безжалостные. Теперь я добрался до событий совсем недавних и стал читать очень внимательно.

«18 апреля. Иду в МС...». Это Тарас так назвал открывшийся ему мир – «Мир Смерти». Вряд ли он читал Гаррисона. Он не очень любил книги и считал, что кино куда круче. Может быть поэтому с грамотностью у него было не очень, а тут вообще писал для себя, не соблюдая никаких правил русского языка.

«Наметил раааскошное местечко. Видать ваяка какой то. Надо тока поточнее взять, видел сильно издалека, наверна в несколько прыжков придеца. «Сторожей» в этом месте не было, так што пабыстрому сгоняю тудасюда.

Петрович уже спрашивает когда новый товар будет. Стали быстро разбирать. Только я вот чо думаю. Не нада торопитца. А то внимание привлеку ещо. Сказал Петровичу что нет пока ничего, пусь ждет. Наврал ему как то што с черными копателями хожу. А сейчас типа холодно не сезон и никто ни хочет копаца. Ну ладно раз собрался значит надо ийти. Сначала на секунду прыгну асматрюсь, потом поближе. Так за три четыре прыжка подбирюсь.

Взял как обычно нож ткнул в ладонь. Уже не больно, привык. А вот потом становица больноооо!

вотжебля никак привыкнуть не могу, всего выварачивает. Но нужно чотко думать куда я попаду. Хорошо што батька рисовал хорошо. Как посмотриш на его картинку,

так все как живое вроде было. а тоб хрен куда попал бы...».

Рисунки отца Тарас заботливо отсканировал, действительно талантливо нарисовано. Не Айвазовский, конечно, но при хорошем воображении картинки вполне себе реалистичные. Я даже невольно стал проникаться доверием к тексту, глядя на них.

«Прибыл на место. Пасматрел, пригляделся – следующий прыжок к дереву потом к холму. И там. Уххх знатное местечко. «Сторожей» не видно и не пахнет. Прыг два три. И вот прыг прям в склеп. В темноте налетел на кого-то. Тепло, живого. СТОРОЖ! Чуть ни заарал, дернулся обратна, но он меня за руку схватил. Пытался ему по морде заехать. Куда там – сильный как медведь. Заламал и рот лапой заткнул.

Так я с Яном и познакомился. Тоже оказался с Земли. Меченый...»

Я быстро перелистал оставшиеся страницы, там было описание совместных операций Тараса с Яном, и упоминание о каком-то месте, где можно взять «багатые подарки))))))».

На этом как раз весь дневник и закончился. Так, немного назад, вот здесь где-то он пишет, что Ян сидит в аське. Есть аська на планшете? Есть. Иииии!!! Ян в ней тоже есть. Правда «не в сети», но я подожду. А пока внимательно изучу, что там про метку и перемещения написано.

Не знаю, верить этим запискам или нет, но странные безделушки Тарас пару раз в последнее время показывал. Хва-

стался, что каждая состояние стоит. И, в конце концов, в руку то он мне точно что-то вложил, уж эти ощущения я никогда не забуду.

Значит Тарас и его отец смотрели на картинку, представляли себя в том месте и кололи ножом в центр ладони. Нож нужен обычный или специальный? Воображение у меня очень хорошее, представить себе могу какой угодно уголок. А если вдруг сработает? Я не хочу попасть к каким-то сторожам-убийцам.

Интересно, почему метконосцы никогда не пытались здесь попутешествовать? Или это невозможно и «Метка» – билет на рейс только в одну точку, в этот их «Мир Смерти»? Хватит размышлять, пора эксперимент поставить. Моё недоверие ко всей этой дребедени не мешает ткнуть чем-нибудь острым в ладонь и представить себя в любом памятном мне месте. Я задумался, какое из мест в городе мне настолько врезалось в память, что можно вспомнить, как наяву? Да миллион таких, можно попробовать любое. Вот, взять, к примеру, Юсуповский парк. Или нет, Апраксин двор. Стоп! Сенной рынок – вот отличное место для пробы. В сутолоке никто и не заметит, как я появляюсь и пропадаю. Если, конечно, вообще что-нибудь получится.

ГЛАВА 5

Закрыв глаза, несколько секунд посидел в тишине, послушал, как скрипит пол у соседей сверху, как завывает о рюмках Лепс где-то сбоку. Потихоньку звуки стали отдаляться и затихать, тогда я сосредоточился и мысленно произнес: «Рынок». И тут же вспомнил его.

Только не Сенной, а удивительный и неповторимый базар Хургады. Когда мне было девять лет, у папы случилась какая-то невероятно выгодная халтура. Денег хватило на переезд из коммуналки в эту замечательную квартиру, на капитальный ремонт и обстановку, да осталось ещё и на поездку в Египет. В памяти от того отпуска мало что осталось – только бескрайняя радость, ощущение полного счастья и невообразимого кайфа. Отель, бесконечные пляжи, соседи-туристы, новые друзья из разных городов и стран, пирамиды и музеи для меня за прошедшие годы сплелись в какую-то пеструю ленту. Но вот одна экскурсия меня потрясла и врезалась в воспоминания навечно, как египетские иероглифы в каменные таблички.

В один из дней нас отвезли на местный рынок и этот во-аж как громом меня поразил. Никогда до того дня я не мог и представить, сколько всего вкусного, красивого и яркого может быть собрано в одной точке. В те времена наши магазины были еще маленькими, серыми и убогими, с край-

не скучным набором продуктов. Правил бал убогие ларьки и палатки. А здесь была фантазмагория вкуса и цвета. Бочонки оливок, ведра пряностей, зелёные пирамиды арбузов и лотки фруктов от пола до потолка. Гроздья винограда и бананов свисают прямо над головами, красные ряды клубники, жёлто-коричневые ананасы и ярко-оранжевая хурма. Мешки со специями, мешки с орехами, мешки со сладостями и мешки неведомо с чем. А ещё разноцветные наряды, местные сувениры, навязчивая громкая музыка...

Почему из всех невероятных впечатлений того лета запомнилось именно это? Не знаю. Но только стоит прикрыть веки и я снова в шумной яркой толпе туристов, а вокруг лотки, лотки, лотки. Темнолицые продавцы звучно зазывают к себе, размахивая руками, как ветряные мельницы. Многие даже пытаются говорить по-русски, смешно коверкая слова. Ароматы пряностей смешиваются с волшебными запахами фруктов и восточными благовониями и тут же перебиваются амбре от толпы изнывающих в жаре продавцов и спящих между рядами покупателей. Это вавилонское столпотворение людей, товаров, звуков и запахов настолько разительно отличалось от всего виденного до этого дня дома, что покорило меня сразу и безоговорочно. Волшебство Востока и рынок в Хургаде для меня стали близнецами-братьями, теперь истории про Аладдина и Синдбада наполнились для меня новым смыслом, заиграли яркими красками.

Я потряс головой, и видения растворились. Рынок-то я за-

помнил навсегда и это одно из самых светлых воспоминаний о детстве. Но и самое тёмное, самое жуткое воспоминание сохранилось у меня из той же поездки: возвращение на самолете. Причём ничего конкретного. Только липкий ужас, холод и тьма. Именно с тех пор я панически боюсь самолетов и стараюсь без веских причин никуда далеко от дома не отлучаться. А вот родители ничего такого страшного про полёт не помнят. Сели, взлетели, поели, уснули, проснулись, прилетели, всё. Мама только обратила внимание, что мои, как она говорит, «василькового цвета» глаза стали почти чёрными. Только на следующий день родители заметили, что я заикаюсь и часть лица как будто замёрзла – не получалось нормально улыбнуться и опустить слегка приподнятую бровь. Проблемы с речью через полгода прошли, но лицо так и не ожило. Уж по каким только врачам меня не водили, всё без результата – «следствие пережитого нервного потрясения» и «лечению не поддается».

Поначалу было тяжело – задразнили «уродцем» и во дворе и в школе. А дальше – лучше, отсутствие мимики сыграло большую роль в уличных играх. Тогда ещё не было по домам компьютеров, смартфонов и приставок. Во всяком случае, у меня и моих друзей ничего подобного не водилось. Мы гуляли, а не сидели перед мониторами, носились по дворам, шалили, безобразничали, даже пытались подрабатывать мойкой машин. Времена были очень тяжёлые, но счастливые. Из меня получался неподражаемый ин-

деец с самой невозмутимой физиономией. Ну, или народный мститель-бандит, типа Багрова. Я даже не очень расстроился, когда меня постригли почти налысо (после вспышки эпидемии педикулеза в школе), а нашёл старые папины очки пловца и стал изображать Риддика.

Вот тогда я понял, что застывшее лицо – это благо. Мне стали приписывать черты характера, которыми раньше я не обладал. Удивительно, но чувство уверенности, спокойствия, хорошая выдержка и хладнокровие стали для меня абсолютно естественными. Расправились плечи, изменилась походка. И даже учителя стали относиться ко мне лучше, ставили остальных в пример. Правда, друзей это мне не прибавило. Приятели были, товарищи по играм, кореша на подработке. Немного завидовали моим успехам, немного побаивались. Тем более что я стал заниматься спортом, быстро окреп и легко мог дать сдачи даже старшим ребятам. Как раз тогда, откуда-то из Югры, приехали Тарас с мамой.

Достаточно предаваться воспоминаниям, пора бы и делом заняться. Где-то у меня есть маленький швейцарский ножик. А, вот он! Открываю маленькое острющее лезвие и быстро, пока не успел испугаться, чирк по руке. Мама дорогая!!! Будто вывернули наизнанку и обратно. Пару раз. Наждачкой по нервам. Меня чуть не вырвало прямо на пол. По линиям на ладони проступил и змейкой заструился свет, складываясь в замысловатый рисунок. Что-то вроде странной пентаграммы, переливающейся под кожей. Подробно рассматри-

вать замысловатое сияние я не стал, а постарался сосредоточиться на застывшем в моей памяти образе рынка Хургады. Блин, до чего же жарко-то, надо бы проветрить. Ёшкин кот!! Я же уже в Египте!!! Мурашки пошли по коже. От страха я тут же рефлекторно ткнул в себя лезвием. Накрыло такой мощной волной боли, что все мышцы скрючило-скрутило-свертело, и я в изнеможении рухнул на пол уже в своей квартире.

Боль мгновенно ушла, быстро и незаметно растворилась, как сахар в крутом кипятке. Только я ещё долго не мог прийти в себя и сидел на холодном полу, качая головой. Мир, каким я его знал, рухнул у меня на глазах в один миг. Господи Боже! Да неужели весь этот бред существует? Мгновенные перемещения в пространстве? Другие обитаемые планеты и расы? Безжалостные «Сторожа» -убийцы? Может еще маги, демоны и духи имеются?

Я тряс головой, щипал себя, прикусывал губу. Это не сон. Вот в «линии ума» медленно исчезает загадочный знак, а перед глазами так и стоит разинувший от удивления рот чумазый египетский мальчишка, прямо перед которым я соткался из воздуха и, надо думать, тут же растворился. Мираж.

Стоп. Чтобы не тронуться головой, мне нужна информация. Это, во-первых. А во-вторых, я должен найти и предупредить Яна. Вот он то и поможет мне разобраться в творящемся безумии. Придётся ждать его появления в сети, а пока можно изучить подробно Дневник.

Или прыгну куда-нибудь ещё. Одна удачная попытка – это далеко не факт. Возможно у меня галлюцинации. А может что-то другое? Например: укол создает такой болевой шок, что сознание отключается, а подсознание выдает воображаемую картинку за реальность. Или может быть такая гипотеза: после укола в ладонь человек впадает в сонное состояние и видит невероятно реалистичные, цветные, объёмные, со вкусами и запахами, но всё-таки, сны?

Обязательно нужно повторить эксперимент. Тщательно к нему подготовиться и прыгнуть, захватив с собой фотоаппарат и деньги. Тогда у меня будут твёрдые доказательства происходящего. Прежде всего, для самого себя. Поверить не могу, что в любую секунду для меня открыты любые уголки нашего мира! Я всю юность и молодость завидовал своим друзьям и знакомым, которые свободно ездили в Москву, в Сочи, в Прибалтику, в Финляндию, в Прагу... Сам-то я даже до Купчино с трудом себя заставлял доехать.

А сейчас весь мир лежит у моих ног, нужно только вонзить в ладонь что-то острое. Последствия, правда, мучительны. Хотя Тарас пишет, что быстро привыкаешь. Потерплю. Зато сметаюсь куда-нибудь. Да вот хоть к родителям махну, сто лет их не видел. Представляю, как мама обрадуется. Да и папа, конечно тоже. Купить им какие-нибудь подарки, позвонить, предупредить, что вылетаю через неделю. И никаких затрат на поездки, оформления виз, страховок, очередей, прохождения досмотра, ужасов перелета.

Да это просто счастье! Вот теперь я понимаю, что значит быть абсолютно свободным. Захотелось запеть от радости. Да я могу посетить любое мероприятие, сходить на концерт любимых групп, заглянуть в Лувр и Биг Бен, встретить рассвет на горе Моисея и провожать закат на мысе Нордкап. Да мало ли интересного на планете? Может быть, жизни не хватит, чтобы осмотреть всё, везде побывать. Сколько времени упущено, нужно начинать срочно! От открывшихся перспектив у меня перехватило дыхание и на какое-то время Тарас, Ян, все мои планы и заботы вылетели из головы. Нет, так не годится. Сначала дело, а отдыхать и путешествовать в своё удовольствие будем потом.

Я взял планшет, ввёл один пароль, другой, добрался до Дневника и собрался его проштудировать. Звякнуло сообщение в аське от Яна:

– Привет, чел!)) Ты как? Норм?

– Не норм. Его убили, – быстро настучал я.

– А пишет кто? – Через пару секунд спросил Ян.

– Сосед. Друг его. Он попросил меня тебе передать... – Я не успел закончить, как Ян отвалился.

Наверняка испугался и теперь думает, кто это с ним общался. Надеюсь, что интерес пересилит страх, и он выйдет на связь ещё раз. Я подумал и написал ему, что знаю от Тараса некоторые моменты, о которых могли знать только Ян и Тарас. Как только он зайдет в сеть, сразу увидит и прочтёт мое сообщение, по которому сможет проверить меня и убе-

диться, что это не «Сторожа» пытаются выведать, где он прячется.

Весь остаток дня я караулил аську. Потом решил не ждать у моря погоды, а начинать всё-таки готовиться к полноценному эксперименту. Пока Ян не торопится проявиться, я сам не смогу его найти. Чего же зря время терять? Соваться в «Мир смерти» я вовсе не стремлюсь – мне не нужны контрабандные артефакты, украденные из склепов. А вот попрыгать по старушке Земле – это очень здорово. Начну с малого и перво-наперво рвану в Прагу – хочу выпить настоящего пива и побродить по средневековым улочкам. Через час-другой вернусь. А дальше надо решить вопрос с Яном, потом добраться до убийц Тараса. После этого буду вольной птицей – летать, где захочу.

Откуда можно получить самую актуальную информацию по Чехии? Верно, нужно внимательно почитать блоги про Прагу, изучить фото. Тогда можно подобрать место, где будет легко незаметно появиться, чтобы не шокировать людей, как этого хургадского сорванца.

Интернет – просто кладезь знаний о любых, достойных внимания местах, столько всего интересного! Я зачитался и не заметил, как прошёл вечер и началась ночь. Что же выбрать? Старый город? Здесь в любое время суток туристы толкуются, а мне бы не хотелось привлекать внимание к своей скромной особе экстравагантным появлением на публике. Может подыскать какую-нибудь заковыристую улочку? То-

же не факт, что прохожие или дворники не будут поражены до глубины души возникновением из ниоткуда парня с рюкзаком. Или кладбище квартала Йозефов? Уж здесь-то, скорее всего, прогуливающих зевак и трудолюбивых дворников не будет. Как бы только не выскочить напрямик на могилу. Лучше вот – парк Стромовка. Густые заросли и какая-то заколоченная дыра в подземелье. Отлично! Надеюсь, что посетителей в этом глухом уголке днём с огнём не сыщешь, особенно спозаранку. Выбор сделан. Как проснусь, сразу туда и прыгну.

Я аккуратно собрал рюкзак, взял фотик, немного денег, чтобы хватило на пару дней. Надо бы не забыть прихватить с собой планшет, найду доступную сеть и буду ждать появления Яна в чате. А пока стоит хорошенько выспаться – дорога предстоит неблизкая, а день насыщенный.

ГЛАВА 6

Мягкий бим-бом дверного звонка выдернул меня из сладких снов. Спросонья я не сразу смог понять, что происходит и кого это принесло. Хорошо, что уснул прямо в одежде, не пришлось собираться. Тихонечко, на цыпочках, подкрался к двери и заглянул в глазок, стараясь не шуметь. Вдруг там эти, «Сторожа». В полумраке парадной видно не очень хорошо, я некоторое время привыкал к освещению, пытаюсь разглядеть звонившего. Невысокий, накачанный, джинсы-футболка-кроссы-рюкзак, короткая стрижка – в целом обычный парень. Разве что нос немного на бок. Наверное, боксер. Впаривает «слово божие» или билеты в театр? Может один из новых приятелей Тараса просто дверью ошибся? Тогда надо бы с ним поговорить, только бы не спугнуть.

– Кто там? – Немного грубо, понизив голос, спросил я.

– Это ты, сосед Тараса?

– Ну да, сосед, – подтвердил я, всё ещё недоумевая, кто же этот парень.

– А я – Ян.

Я тотчас распахнул дверь и протянул руку.

– Я – Илья! Заходи, всё сейчас подробно расскажу. Кофе будешь? Ян шагнул через порог и ответил на рукопожатие. В ту же секунду за его спиной прямо в воздухе соткались три фигуры и рванули к нам. Я дёрнул протянутую ру-

ку на себя и ударил ногой по двери, захлопнув её перед носом у Сторожей. Успел даже повернуть ключ во втором замке до того, как дверь атаквали. Хорошо, что она металлическая – от удара затряслась рама и стена, даже пол дрогнул. Обычное полотно уже разлетелось бы в щепки. Только тут и металл долго не выдержит – от второго удара дверь стала прогибаться внутрь. Они с собой таран прихватили? На то, что соседи перепугаются и вызовут полицию, надежды мало. В смысле, на помощь полиции надеяться – безумие. Пока доедут, от нас мокрого места не останется. Серьёзные ребята эти «Сторожа»! От третьего удара жалобно закрипели петли и один из замков вылетел к моим ногам.

Что ж, промедление смерти подобно, как говаривал когда-то вождь пролетариата. Я выхватил заготовленный ножик, крепко взял под руку ошарашенного Яна и перешагнул в парк.

Как же мне сегодня пригодилась реакция, выработанная за долгие годы в спорте, низкий поклон моим тренерам. А ещё спасибо блогерам-путешественникам – их помощь тоже оказалась неоценима. Нужно мне место я сегодня ночью до мельчайших подробностей рассмотрел с нескольких ракурсов и легко смог восстановить перед мысленным взором перед прыжком. Скорее всего, общими усилиями мы сегодня спасли этого приятеля моего друга от страшной участи. Хотя ни те, ни другие никогда не узнают о своём весомом вкладе.

С грустью я подумал об оставленной на растерзание квартире: дверь, надо думать, вынесут. Жаль, хорошая была, недавно только поставил. Ну, живы и ладно, а дверь – дело наживное. Когда вернусь домой, сразу закажу новую. Хорошо бы не разнесли бы весь дом, когда искать нас будут. А самое плохое – в спешке я не успел прихватить уже подготовленный к путешествию багаж. Не упёрли бы. В рюкзаке действительно ценные для меня вещи – планшет, ноутбук, фотоаппарат. Столько нужной и важной информации терять не хочется.

Интересно, но я почти не чувствую дискомфорта и реакции болезненной на переход нет. Вот это здорово! Быстро я привык, всего второй прыжок ведь. Радость от этого открытия растянула мой рот почти до ушей, я почувствовал необыкновенный прилив сил, желание петь и смеяться. Интересно реагирует моё тело на эти прыжки. Надо бы тоже обзавестись Дневником, да записывать свои чувства и ощущения.

Я огляделся. Необыкновенно тихо, только насекомые какие-то стрекочут. Тепло и как-то уютно. Слегка влажный, напоенный ароматами зелени, цветов и близкой воды, воздух мягко обнял, укутал меня, оставляя чувство чего-то близкого и родного. Будто после долгого и утомительного пути, стоптав в кровь ноги и стерев руки о тяжёлую поклажу, я наконец-то стою перед отчим порогом. Как же здорово.

Ян резко вырвал у меня руку и, корчась и выкатив глаза,

с трудом выдавил:

– Где мы?

– Прага, парк Стромовка. Хотя, конечно, я могу и ошибаться, никогда здесь не был. С прибытием, – продолжал улыбаться я.

А вот Ян совсем не улыбался, его вообще трясло. Причём не фигурально, а вполне себе реально. Руки и ноги подергивались с такой силой, что он не устоял и плюхнулся прямо на землю. Потом согнулся, пытаюсь выпрямиться и встать на колени, но не сумел и вновь опустился на траву. Плечи Яна ходили ходуном, прыгая вниз-вверх. Рвало его сильно и шумно. Я даже испугался, не привлечём ли мы внимание каких-нибудь местных правоохранителей? Интересно, это так прыжок на него подействовал или просто шок? Он сделал несколько глубоких вдохов-выдохов, сжал кулаки, пока ногти не впились в ладони, и уставился на меня со странным и, как мне показалось, испуганным выражением лица:

– Как? Как? Как? – Такое впечатление, что это не человек говорит, а ворона каркает. Голос хриплый, низкий, кажется, что каждое слово он выплёвывает с огромным трудом.

– Чётко по плану – представил место, уколол ладонь, шагнул. И вот, мы тут.

– Это невозможно, нельзя так! – Ян схватил себя за голову, потом стал ожесточённо тереть себе глаза, с яростью ударил ладонью по своей щеке и резко дернул за волосы, видимо ожидая, что окружающее растворится, и мы перенесёмся

обратно, в мою квартиру.

– Почему невозможно? Я уже побывал в Египте. Теперь мы в Праге. Всё возможно. И главное – мы вне досягаемости. А вообще, хоть бы спасибо сказал – за тобой ведь хвост был.

Ян был настолько ошарашен информацией про мой предыдущий прыжок, что пропустил мимо ушей слова про преследователей:

– Как Египет???? – Даже рот раскрыл от такой новости, став смешным и немного нелепым. За выпученные глаза я даже испугался – не выпрыгнули бы.

– Ну, я сначала попробовал в Хургаду прыгнуть – уж очень хорошо место запомнил.

– Откуда метка? Тарас?

– Да, когда умирал. Передал метку, сказал пароль к Дневнику и попросил найти тебя и предупредить, что за тобой идут «Сторожа».

Ян кивнул и задумался. Побледневшее было лицо его вновь наполнилось красками и очередная попытка подняться увенчалась успехом. По-стариковски кряхтя и постанывая, он выпрямился, стряхнул с колен грязь и налипшие травинки, помотал головой из стороны в сторону до хруста в позвонках и хлопнул меня по плечу:

– Это феноменально, грандиозно, да просто охренительно! Даже не знаю, как тебе объяснить, насколько круто то, что может твоя метка. Раньше, насколько мне известно, никто из меченых не мог так свободно прыгать. Только в мир

Умбра и обратно. Некоторые свободно возвращаются в любой известный им уголок своей планеты, но большинство привязано к одной местности. Тарас вот был привязан к порогу своей квартиры. А мне достаточно хорошо знать нужную точку на Земле. Но только, так сказать, с пересадкой в Умбре. Слушай, а ведь с тобой вместе мы можем таких дел накрутить! – Блистающие перспективы перехватили дух и проступили на щеках Яна ярким румянцем, уголки прищуренных глаз заплясали и улыбка побежала к ушам. Теперь, когда он успокоился и заговорил естественно, в его речи явно проступил легкий прибалтийский акцент. – Хотя, надо признать, это чертовски неприятно, прямо вывернуло наизнанку. Даже не знаю, решусь ли я повторить эксперимент. С другой стороны – первый опыт в этом деле всегда болезненный, потом вроде как легче. Вот ты сейчас как, нормально? Если это так, то мы с тобой...

– Постой, постой! Я пока ничего не понимаю, Дневник Тараса конечно мне дал пищу для размышлений, но ввязываться в ваши с ним дела у меня пока нет никакого резона, – рубанул я по мечтам прибалта. Раскрывать перед ним свои планы не имеет никакого смысла: мы знакомы от силы полчаса, что он за птица – пока не ясно. – Я вовсе не горю желанием, чтобы и за мной охотились эти кровожадные «Сторожа», пожить ещё хочется. Кстати, здесь они нас точно не достанут?

– Это вряд ли. Они точно также могут только в один адрес

отправляться. Я к тебе шел через мир Умбра, попал на их засаду, скорее всего. След оставил, он минут десять держится. По нему меня вычислили и к тебе рванули, я так думаю. А поскольку ты никогда ещё не был у них, значит и следа твоего у них нет, тебя не узнают, не «унюхают». А уж тем более им и в голову не придёт, что можно сделать такой «горизонтальный» прыжок внутри одного мира. Так что здесь мы в безопасности. Да и от твоей квартиры наверняка уже отстали – нас ведь там нет, чего зря время терять? Ушли обратно. Но почему они за мной следили? Что там у вас с Тарасом случилось?

– Пойдем, прогуляемся, рассказ непростой и довольно длинный, если ты хочешь знать всё до мелочей, – предложил я.

Заодно осмотрюсь на будущее, возможно придется сюда не раз возвращаться. А парк по-настоящему дивно хорош и почему-то напоминает мне Павловск. Точно также покорило моё сердце с первого взгляда. Пока я детально, почти поминутно восстанавливал минувшие события для своего нового приятеля, мы обошли довольно большую часть парка. Красота неопишная. Обязательно вернусь сюда. Захватчу фотоаппарат и буду щёлкать, пока всю память не забуду. А ещё интересно будет встретить здесь закат и рассвет – эти границы времени, когда умирает и рождается день. Сколько невероятных и удивительных мест в нашем необъятном мире ждут меня...

Несмотря на тяжёлые воспоминания и тяжесть на сердце от утери друга, я не мог не отметить, что мне всё больше нравятся мои новые возможности! С другой стороны, очень уж дурно пахнет вся эта история. Сначала в неё влип Тарас, а теперь и я, вслед за ним. Быть может, совсем нескоро суждено мне полюбоваться прекрасными пейзажами и захватывающими дух историческими памятниками.

Ян слушал сосредоточенно, не перебивая меня, стараясь не упустить и малейшей детали. По его сдвинутым к переносице бровям и крепко сжатым губам читались одолевающие прибалта исконные русские мысли: «кто виноват?» и «что делать?». И лишь когда я дошёл до его появления у моей двери, махнул рукой:

– Дальше всё понятно. Значит, Камень им нужен?.. – Он поднял с земли круглый плоский камешек и, распугав утиное семейство, запустил блинчики по глади озера. – Слушай, я расскажу тебе свою часть истории. А потом мы можем вместе подумать, как быть дальше.

Настала моя очередь внимать и удивляться. Оказывается, Тарас в своём Дневнике не описал и миллионной доли происходящего. Откуда взялась метка, что она такое, кто такие «Сторожа», что за странный мир, в который открылась дверь моему другу? Ни один из этих вопросов в Дневнике не удостоился ответов. По-настоящему, его интересовала только практическая польза от внезапно открывшихся возможностей. Моральная сторона вопроса перед этими ребя-

тами, как я понял, вообще не стоит. По словам моего нового знакомого, Тарас не интересовался подноготной происходящего, относился ко всему потребительски. Впрочем, Ян тоже не особо терзался угрызениями совести по поводу разграбления могил.

Да-а, недооценил я всей пучины, в которой тонул в последнее время мой друг, столкнувшись с проблемой выживания без помощи и поддержки родных. Нет, конечно, ему помогали какие-то родственники из Югры, да и я всегда готов был прийти на выручку, подставить плечо. Но остаться в детстве без папы, а потом потерять и маму – только сейчас мне стал немного понятен надлом, произошедший в душе моего товарища.

Ян же был, так сказать, «потомственный метконосец» и ему известно намного больше, чем записал Тарас. Самое важное – действительно существует Мир Смерти или, как его назвал Ян, мир Умбра. Этот мир охраняет Стража Умбры. Есть и другие, неведомые Яну миры, откуда приносят в Умбра умерших. Почему и зачем – он не знает. И никто из его предков не смог ответить на эти вопросы. Откуда взялась метка в семье Яна – история также умалчивает. Зато издревле все Яновы предки – обладатели метки вели обстоятельные записи. По какому принципу умирающий выбирает себе преемника – Ян не в курсе. Получивший метку и записи предков, держит всё в строжайшей тайне от остальных родственников. Так и путешествует до конца

жизни в одиночестве. По-моему, такое использование своего дара безумно расточительно. Метконосцы из латышского клана ничего, кроме огромного, бесконечного кладбища, не видели и об остальной части этого странного мира могли только догадываться.

Ясно одно – есть много миров, связанных с Умбра. Скорее всего их населяют человекоподобные расы. Никто из метконосцев ни разу не видел среди захоронений памятников ящерам, спрутам, медведям или каким-нибудь неизвестным существам. К примеру, те же Стражи – просто более коренастые, невероятно сильные и быстрые по сравнению с обычным человеком. На улице встретишь и внимания не обратишь.

Интересно, что миры очень разные по развитию – где-то в склепах мечи, луки, стрелы, золото... А где-то непонятные устройства и электроника. Тарас с Яном охотились за украшениями и драгоценностями. Гаджеты с непонятными свойствами их не интересовали. Неудивительно, что знания латыша об устройстве загадочного мира отрывочны и во многом основаны на дневниках его предшественников. Только и эти бесценные записки он штудировал не очень усердно, предпочитая воровскую практику «унылому чтению».

Несмотря на это, Ян здорово дополнил сложившуюся у меня картину. Основное назначение метки, насколько я понял, помогать её носителю перепрыгивать из своего в мир Умбры. Выходит, что мои способности уникальны. Вот ин-

тересно, может быть моя метка ограничена нашей Землей? Надо проверить, смогу ли я перейти в этот кладбищенский край?

Еще больше меня поразило другое невероятное и очень полезное свойство метки – владение языками. Обладателю метки достаточно услышать пару предложений на любом незнакомом наречии, и он сразу, почти без заминки, начинает вполне сносно на нём говорить и понимать. Сдаётся мне, среди известных полиглотов и переводчиков могут найтись и меченные.

Кроме того – здоровье. После обретения метки у прибалта ни разу не было даже насморка, никакая зараза не липнет. Любые порезы, ушибы, синяки – всё проходит если не в один миг, то за несколько часов. Руки-ноги Ян пока не ломал, но уверен, что и это не будет проблемой для метконосца. Ну это я и сам заметил – сотрясение мозга, шишак, синячища – были и нет. Хоть и не так быстро, как рассказывает Ян.

А вот про Камень этот Ян ничего сказать толком не смог. Он долгое время подбирался к одному богатому сектору, чтобы найти артефакты поинтереснее. Тут то и столкнулся с Тарасом. Предложил сотрудничать, «вдвоём ведь проще и веселее работать». Провели несколько пробных совместных операций: присматривают интересное место, в несколько ходов подбираются. Один собирает всё ценное, второй уносит – так разделяются на случай появления Стражи. Первый бежит с награбленным, а со второго нечего взять, даже

если поймают. Во всяком случае, на это был расчёт.

До последнего случая всё проходило гладко, как по маслу. Тогда Ян предложил спланировать поход в самый центр этого сектора. Тарас с радостью согласился, сам давно приглядывался и не решался в одиночку рискнуть. Поначалу всё было как обычно, без неожиданностей. Взяли богатую «добычу», которую на этот раз должен быть выносить Ян.

Перед возвращением заметили в соседнем небольшом склепе свет. Забрались посмотреть. Там было «бедненько» и почти пусто. В центре грубый каменный стол, в его середине вырублена чаша, а в чаше огромный драгоценный камень, светящийся изнутри. Услышали топот, поняли, что Стража рядом. Ян схватил камень и прыгнул домой. Свет сразу пропал. Видимо Тарас стартовал позже и Страж направился по его следу.

– Походу этот Камень – реально дорогая вещь. Шухер у Стражей поднялся изрядный и теперь повсюду в Умбре устроены засады. Меня поджидали и перехватили на пути к тебе. Так что, твоё умение переходить по Земле без пересадки на Умбре, нам сейчас очень кстати. Тут они нас не найдут – они не чувят твой след, не знают тебя. Ты ведь на Умбре не был, значит перед Стражами не засветился. Где меня искать – они пока тоже не в курсе. Наверняка постараются выяснить, но сейчас мы в безопасности. – Закончил свой рассказ «потомственный метконосец».

– А зачем же им этот Камень? Такая суматоха может быть,

только если он «реально дорогой», как ты говоришь. Или невероятно ценный. Причем, не в стоимости его ценность. Камень настолько важен, что ради него эти ваши Стражи не останавливаются ни перед чем. Если на ваше мародёрство они смотрели, прикрыв глаза, то сейчас поднялась паника.

– Не знаю, но вещь важная, это факт. Думаешь, стоит вернуть? Может быть, может быть... – Ян почесал затылок, потряс головой и продолжил: – Иначе путь в Умбра для меня закрыт, так и будут ждать на каждом углу. А я без походов не могу, вот несколько дней не прыгал и уже ломает. Как наркотик. Да и прибыльно. Я ведь ничем, кроме этого вообще не занимаюсь. На что жить-то?

– Лучше будет вернуть. Хотя бы прямую угрозу от себя отвести. Мне кажется, что получив Камень, Стражи не так яростно будут тебя искать. Только как это проверить? Ведь если ты сейчас туда прыгнешь, тебя не хлебом-солью встречать будут.

– Надо думать. – Ян резко остановился и крепко схватил меня за руку. – Давай ко мне. Поможешь мне напрямую домой вернуться? Транзитом-то я не могу теперь прыгать. Посидим спокойно, чаю попьём, может идея хорошая придумается. Кстати, у меня дома есть дневники нашей семьи. Почитаешь.

Прибалт заискивающе посмотрел мне в глаза. Почти как преданный пёс. Разве что хвостиком не виляет. А предложения хорошие – можно и места новые посмотреть и побольше

информации нарыть. Завеса над тайной смерти Тараса слегка приподнялась, но останавливаться на этом нельзя. Пусть моя вера в невиновность друга серьёзно пошатнулась, я должен разобраться во всём до конца. А лучше всего, найти того, кто стоит за его гибелью. Непосредственные исполнители – Стража Умбры, но кто управляет ими? Что скрывается за всей этой историей с Камнем? Если я хочу докопаться до истины, нужно узнать всё, что можно об этих Стражах. Надо быть готовым ко встрече с ними, а это значит – любые сведения не будут лишними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.